

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Кыргызско - Российский Славянский университет
Кыргызская государственная юридическая академия
при Правительстве Кыргызской Республики

Диссертационный совет Д 12.10.421

На правах рукописи
УДК 343.13.3.(403)

КЕНЖЕТАЕВ ЧИНГИС ДЖАНОВИЧ

**Преимущества в уголовном судопроизводстве
(на примере законодательства Республики Казахстан)**

Специальность 12.00.09 — уголовный процесс; криминалистика;
оперативно-розыскная деятельность

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Бишкек - 2012

Работа выполнена на кафедре юридических дисциплин Академии
Экономики и Права (г. Алма-Ата, республика Казахстан)

Научный консультант	доктор юридических наук, профессор Табалдиева Венера Шаршенбековна
Официальные оппоненты	– доктор юридических наук, профессор Береугурова Лязиза Шалтаевна доктор юридических наук, профессор Нургалиев Бахыт Молдатьяевич доктор юридических наук, профессор Нукенов Мараткали Ордабаевич
Ведущая организация	– Юридический институт при Кыргызском национальном университете имени Ж. Баласагына, адрес: г. Бишкек, ул. Киевская, 32

Защита состоится 28 сентября 2012 г. в 12.00 на заседании
диссертационного совета Д 12 10 421 Кыргызско - Российского Славянского
университета и Кыргызской государственной юридической академии
при Правительстве Кыргызской Республики по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора (кандидата) юридических наук по
адресу: 720000 г. Бишкек, пр. Чуй, 42

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Кыргызско-
российского славянского университета по адресу: г. Бишкек, ул. Киевская, 44

Автореферат разослан «___» _____ 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент **Г.А.**

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В своем Послании народу страны Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев указал, что одной из первоочередных задач, стоящих перед нашим государством, является «... создание реального правового государства, где все живут по законам ...» [1], то есть государства с высоким уровнем правосознания и правовой культуры в обществе, где правовые нормы не должны противоречить нравственным. Обязательным признаком такого государства выступает условие реализации принципа наиболее полного обеспечения и защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, что входит в основную задачу управления правосудия. При этом должна быть предусмотрена равная защита неравных участников уголовного процесса.

Уголовный процесс, в свою очередь, основывается на системе принципов, среди которых можно выделить принципы законности, состязательности, равенства и другие. Вместе с тем, сама реализация данных принципов может осуществляться только посредством нормального функционирования определенных правовых категорий. Одной из таких категорий является категория уголовно-процессуальных преимуществ, которая отражает дифференцированный подход к регулированию отношений в обществе. Данная дифференциация во многом вызвана необходимостью реализации ряда общеправовых идей, наиболее значимым из которых является принцип гуманности, прямо закрепленный в ч. 1 ст. 1 Конституции Республики Казахстан и ст. ст. 16, 84 Конституции Кыргызской Республики.

Общая идея дифференциации правовых форм предполагает существование такой структуры права, в том числе уголовно-процессуального права, которая способна реализовывать ту или иную идею (гуманности, справедливости и т. д.) по отношению к разным уровням абстрагирования. В этой связи предпосылкой конструирования такого права является детальный анализ существующей модели дифференцированных форм правового регулирования, носящей преимущественный характер. При этом анализ заключается как в определении теоретической сущности модели, так и в детальном изучении норм, осуществляющих саму идею, реализация которой происходит посредством той или иной конструкции. Именно по этим причинам исследование сущности преимуществ в праве и, в частности, уголовном процессе является актуальным.

Более того, данные обстоятельства делают необходимым анализ норм правовых преимуществ, доктринально закрепленных в п. 7 ч. 3

ст. 77 Конституции Республики Казахстан и нормах уголовно-процессуального права (ст. ст. 27, 82, 214, 501-504 УПК РК), на предмет установления реальных условий его функционирования в казахстанском праве.

Кроме того, как в теории казахстанского, так и кыргызского уголовно-процессуального права отсутствуют какие-либо работы, позволяющие объяснить сущность и назначение правовых преимуществ. Хотя некоторые отдельные вопросы по данной теме рассматривались российскими учеными С. Ю. Суменковым, Ф. А.-О. Агаевым, В. И. Рудневым, однако это только еще больше обуславливает теоретическую необходимость проведения исследования правовых преимуществ в комплексе, включая такие виды, как привилегии, особые порядки, свидетельский и дипломатический иммунитет.

Также необходимо учитывать, что большая часть норм о правовых преимуществах в уголовно-процессуальном праве является относительно новой, требующей более подробного исследования. В связи с этим и качество норм, отражающих суть этих преимуществ, является причиной для дальнейшего изучения. Тем более, что объем уголовно-процессуальных статей, посвященных правовым преимуществам, достаточно велик и включает в себя семьдесят семь норм. При этом одни нормы могут находиться в одной статье Уголовно-процессуального кодекса, а другие — в статьях, находящихся в различных частях УПК, поэтому их виртуальная, логическая корреспонденция между собой и относительно прочих норм весьма затруднительна. Сама эта затруднительность, как форма энтропии, может быть снижена только посредством детального изучения сущностных взаимосвязей всех указанных норм между собой в различных вариациях сущности самих норм.

Об актуальности исследования правовых преимуществ в уголовном процессе свидетельствуют и результаты интервьюирования практиков — работников. Так, 97 % опрошенных следователей, дознавателей и прокурорских работников заявили, что существование правовых преимуществ в уголовном процессе имеет место. При этом 95 % респондентов из числа указанных лиц полагают необходимым проведение исследования в этом направлении. 73 % считают, что наиболее значимыми являются вопросы уголовно-процессуальных привилегий, 24 % — дипломатического иммунитета, 29 % — иммунитета священнослужителя и 37 % — свидетельского иммунитета.

Таким образом, на основании вышеизложенного приходим к заключению, что теоретическая и практическая значимость исследования обусловлены не только проводимой судебной-правовой реформой и объективной востребованностью научно обоснованного анализа норм

уголовно-процессуального законодательства об уголовно-процессуальных преимуществах, но также и недостаточной проработкой этих вопросов в научной литературе и неотложными потребностями следственной практики. Изложенные детерминанты в достаточной степени подтверждают обоснованность выбора темы и актуальность направления научных изысканий.

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с существованием уголовно-процессуальных преимуществ в уголовном процессе, отраженные во взаимосвязи уголовно-процессуальных норм.

Предметом исследования выступают конкретные ситуации, связанные с существованием преимуществ в уголовном процессе, а также правила существования и развития таких ситуаций.

Связь темы диссертации с крупными научными программами, основными научно-исследовательскими работами, программными научными учреждениями. Понимание комплекса правовых преимуществ как правового института возможно только с позиции предметно-методологического подхода к формированию отраслей права. Диссертация тесно связана с научно-исследовательскими работами и государственными программами в сфере противодействия преступности.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего исследования является определение сущности и основных элементов комплекса уголовно-процессуальных преимуществ, проблем их функционирования, а также выявление синтеза алгоритма уголовно-процессуальных процедур реализации уголовно-процессуальных преимуществ и разработка на данной основе уголовно-процессуальных рекомендаций, направленных на совершенствование борьбы с преступностью.

Для реализации данной цели поставлены следующие задачи:

- раскрыть теоретические основы, сущность и содержание комплекса уголовно-процессуальных преимуществ в уголовном процессе;
- определить содержание соотношения уголовно-процессуальных преимуществ с основными правовыми и уголовно-процессуальными началами;
- определить причины возникновения уголовно-процессуальных преимуществ, как в целом, так и в отношении отдельных видов;
- провести классификацию уголовно-процессуальных преимуществ в уголовном процессе;
- раскрыть содержание отдельных видов уголовно-процессуальных преимуществ, а также уровень их правового регулирования;

– выявить проблемные вопросы, связанные с законодательной регламентацией отдельных видов уголовно-процессуальных преимуществ и практикой их применения;

– провести анализ практики реализации норм, регулирующих вопросы применения уголовно-процессуальных преимуществ;

– на основе теоретического, нормативного осмысления, анализа эмпирического материала разработать рекомендации, направленные на оптимизацию практики применения норм об уголовно-процессуальных преимуществах, а также совершенствование указанных норм.

Научная новизна работы весьма близко коррелируется с актуальностью исследования. Фактическая обособленность данного элемента связывается только лишь с утверждением о том, что в избранном направлении комплексное исследование преимуществ в уголовном судопроизводстве является первой работой, выполненной на таком уровне.

Особенностью обоснования научной новизны также выступает тот факт, что необходимость в изучении уголовно-процессуальных преимуществ в ходе расследования преступлений существовала всегда. Такое утверждение связано с тем, что знание о дифференциации форм уголовного судопроизводства и его анализ является следствием осознания знаний о сущности процесса расследования на более высоком уровне абстрагирования, более точно выражающим сущность принципа индивидуальности в праве. Безусловным обстоятельством, определяющим новизну исследования уголовно-процессуальных преимуществ в уголовном процессе, является и то, что все предыдущие исследования уголовно-процессуальных преимуществ в уголовном процессе касались только лишь его отдельных проявлений.

Наделение правовыми преимуществами может происходить не только посредством неравного распределения общественных благ, но и посредством создания преимущественных механизмов по защите своих интересов. Такие механизмы могут основываться на следующих элементах:

– изъятии тех или иных персон из действия правовых норм, которое может быть основано на субъективных и причинно-объективных критериях;

– фикциях и презумпциях толкования фактов и доказательств, которые могут иметь место как в ходе предварительных процессов, связанных с расследованием, так и при рассмотрении доводов сторон в суде. Причинность их возникновения связана с субъективными и причинно-объективными критериями;

– создании особых порядков расследования и рассмотрения

материалов в суде. Такие порядки также могут быть основаны на субъективных и причинных критериях, касаться как действий, так и решений;

– предоставлении дополнительных прав, связанных с участием лица в судопроизводстве (по той же причинности).

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что имеющиеся в работе выводы и предложения могут быть использованы: в целях дальнейшего исследования элементов уголовно-процессуальных преимуществ любого уровня; в нормотворческом процессе — для регламентации положений, регулирующих борьбу с преступностью; в правоприменительной деятельности органов уголовного судопроизводства при разрешении вопросов, связанных с возникновением ситуаций реализации уголовно-процессуальных преимуществ; в учебном процессе высших и средних специальных заведений юридического профиля, а так же в системе первоначальной подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров при изучении соответствующих тем. Более того, ввиду схожести законодательства в части преимущественного регулирования отношений все полученные результаты проведенного исследования вполне применимы и для правовой действительности Кыргызской Республики.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Авторская редакция о том, что под правовыми преимуществами следует понимать любые математические неравенства при распределении социальных благ в обществе, а также при предоставлении преимущественных и отличных от общих правил юридических механизмов защиты собственных интересов и заключающиеся в юридическом закреплении прав на такое неравенство и возможности пользоваться данными механизмами.

2. Теоретический вывод о том, что уголовно-процессуальные преимущества это любые математические неравенства в предоставлении прав защите своих интересов в ходе уголовного судопроизводства.

3. Авторский вывод о необходимости в основу классификации уголовно-процессуальных преимуществ положить следующие критерии:

1) функционально-содержательный, основанный на характеристике конкретных преимуществ, как способов предоставления определенных благ;

2) субъективно-определяющий, связанный с определением видов преимуществ на основе статучиональных характеристик субъекта, ими обладающего. Данный вид имеет значение не столько для познания самого преимущества в действительности, сколько для определения признаков, обобщающих моменты, связанные с общим статусом лица в

уголовном судопроизводстве (и в праве вообще);

3) социально-конкретизирующий, указывающий на те отношения, которые порождают правовые преимущества как компромиссы между конкурирующими нормами. Этот критерий находится в плоскости философских рассуждений о необходимости предоставления тех или иных преимуществ, в некоторой мере, формирует представление о действительном содержании основных целей права по отношению к конкретным способам регулирования общественных отношений.

4. Теоритический вывод о необходимости к основным видам классификации отнести:

1) изъятие (как уголовно-процессуальное преимущество) — это, прежде всего, невозможность действия общих правил в отношении отдельных лиц либо предметов, носящее характер преимущества для того или иного субъекта или их группы;

2) особый порядок производства по делу (как уголовно-процессуальное преимущество) — такой порядок производства, носящий характер преимущества по отношению к какому-либо субъекту либо их группе, который является отличительным по отношению к отдельной категории лиц и для которой гносеологически должны быть логичными установления, являющиеся общими как для данной категории, так и для других участников, чей функциональный или целевой статус является общим либо может быть обобщен по ряду важных признаков;

3) уголовно-процессуальный иммунитет — форма преимуществ, которая выражается в регламентации, порядке, условиях преимущественного освобождения отдельных категорий лиц от выполнения некоторых обязанностей, накладываемых общими уголовно-процессуальными правилами, пользование которыми зависит непосредственно от волеизъявления лиц, обладающих данным преимуществом. Иммунитет является дополнительным правом.

5. Аргументированный тезис о том, что причинность существования правовых преимуществ определяется следующими факторами:

1) основными:

– свойствами права, как инструмента достижения целей справедливости, равенства и свободы;

– желанием государства и отдельных лиц иметь основания для субъективного перераспределения материальных благ в обществе;

2) факультативными:

– наличием стимулирующей функции преимуществ;

– наличием компенсаторной функции преимуществ, как части стимулирующей.

Причинность существования уголовно-процессуальных преимуществ определяется:

- необходимостью соблюдения примата международного права над национальным (международный, дипломатический иммунитет);
- необходимостью защиты отношений в сфере семьи, как ячейки общества (свидетельский иммунитет);
- необходимостью защиты отношений в сфере отправления религиозных нужд (иммунитет священнослужителя);
- гипотетическим существованием сложной структуры сбалансированного регулирования уголовно-процессуальных отношений (преимущества, связанные с существованием в уголовном процессе отдельных участников уголовного процесса, фикций и презумпций);
- необходимостью соблюдения примата конституционного права над отраслевым (преимущества депутатов);
- необходимостью защиты отношений в сфере детства (преимущества совершеннолетнего);
- принципами гуманного общества (преимущества лиц, страдающих психическими недостатками).

6. Целью правовых преимуществ является предоставление дополнительных гарантий защиты отдельных категорий лиц посредством устранения противоречий между конкурирующими нормами права и морали, права и права.

7. Задачей правовых преимуществ является устранение противоречий между конкурирующими нормами права и морали, права и права.

8. Субъектом правовых преимуществ следует считать лицо, фигурирующее в конкурирующей норме в качестве лица, на которого налагаются определенные обязанности, недопустимые другой конкурирующей нормой.

9. Моментом, с которого то или иное лицо начинает обладать правовым преимуществом, следует считать момент вступления лица в отношения, регулируемые посредством предоставления правовых преимуществ (в ряде случаев достаточно вступления в статус участника уголовно-процессуальных отношений). Моментом, с которого то или иное лицо перестает обладать иммунитетом, является момент прекращения его участия в тех или иных отношениях, с целью защиты которых лицу предоставляются те или иные преимущества правового характера.

10. Момент, с которого данное лицо начинает пользоваться правовым преимуществом, следует определить как момент возникновения оснований для принятия в отношении лица, обладающего правовыми преимуществами, решения, могущего нарушить данные преимущества.

Момент окончания пользования данным иммунитетом следует определить момент, когда указанные основания отпали.

11. Между математически-функциональным равенством в уголовном процессе и равенством социальным можно поставить знак равно (=) и отождествлять их в полной мере.

12. Сужение количества субъектов, способных принимать уголовно-процессуальные решения по делу (возбудить уголовное преследование и самостоятельно принимать решения о применении мер пресечения и при-воде), одновременно повышает вероятность воздействия на этих субъектов, а также успешность такого воздействия, что делает существование правила об эксклюзивном праве возбуждения уголовного дела в отношении депутатов Парламента Республики Казахстан, Председателя и членов Конституционного совета Республики Казахстан, судьи, Генерального прокурора руководителем государственного органа Республики Казахстан, осуществляющего дознание и предварительное следствие, Генеральным прокурором, заместителем Генерального прокурора правилом, требующим своего исключения из уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан.

13. Суть преимущественного механизма сужения количества субъектов, способных возбудить уголовное преследование, заключается в том, что сужение количества субъектов, могущих возбудить уголовное дело без каких-либо функциональных преимуществ эвристического характера, предполагает существование субъекта возбуждения уголовного дела, который известен заранее и может быть подвергнут влиянию со стороны гипотетической «защиты». Такое преимущество можно назвать негативным, по сути, так как оно не предполагает дополнительных гарантий установления истины по делу, а основывается на установлении условий влияния на субъекта возбуждения уголовного дела.

14. Целесообразно вообще отказаться от этого признака, предоставив право возбуждения уголовного дела конкретному следователю или дознавателю. Тем самым приведя ситуацию в соответствие с общим порядком возбуждения уголовного дела.

15. Существование необходимости согласования решений об аресте, приводе, привлечении к уголовной ответственности как преимущественного элемента, как и в случае с предыдущим преимущественным элементом, влияет не на характер защиты депутатов Парламента Республики Казахстан, Председателя и членов Конституционного совета Республики Казахстан, судей, Генерального прокурора. Кроме того, оно не является дополнительной гарантией защиты данных лиц от необоснованных решений негативного характера. Указанное преимущество создает помехи в расследовании

организационного характера и тем самым «играет на руку» рассматриваемой категории лиц.

16. Нормы, содержащиеся в главе 54 УПК Республики Казахстан «Судопроизводство по делам о применении принудительных мер медицинского характера к невменяемым», нельзя назвать преимущественными, так как они отражают факт функционального соответствия потребностей процедуры производства расследования и состояния субъекта по отношению к возможности участия в данной процедуре.

17. Возрастная фикция, определяющая условия наступления уголовной ответственности и условия уголовного преследования, должна быть исключена из Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Республики Казахстан. Такая фикция должна быть заменена решением экспертного исследования, отражающего вопросы вероятности и форм уголовной ответственности любого субъекта, а также определения степени и форм его участия в уголовном процессе. Перспективой дальнейшего исследования сущности правовых преимуществ несовершеннолетних и лиц, страдающих психическими недостатками, является создание механизма индивидуализации наказания и уголовного преследования. Данный механизм заключается в разработке правил о применении наказания, а также форм участия данных лиц в уголовном судопроизводстве, исходя из конкретности соотношения личностных характеристик и возникшей ситуации, в основе которых лежит обязательность экспертного исследования по существу определяемого вопроса.

18. Недопустимо существование каких-либо социальных преимуществ безфундаментальных научных исследований о сути распределения благ в обществе. Иначе рост корпоративных преимуществ в обществе неизбежен. Причем по совершенно разным критериям, а также способам их получения. Ни к чему иному, как к расколу общества в государстве, это привести не может.

19. Отсутствие в уголовном законодательстве Республики Казахстан нормы, устанавливающей ответственность за дачу ложных показаний подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, — существование иллюзии, соблюдения прав человека, ежедневно попирающей принципы и цели существования права, наносящей существенный ущерб обществу и воспитывающий народ в духе отрицания правосудия. Следовательно, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый должны нести ответственность за дачу заведомо ложных показаний, согласно ст. 352 УК РК «Заведомо ложное показание, заключение эксперта или неправильный перевод». При этом назначение наказания в данном случае должно определяться

посредством сложения сроков наказания за совершение преступления, предусмотренного ст. 352 УКРК, и преступления, которое первично вменяется лицу.

20. Наличие частных начал в инквизиционном уголовном процессе не только противоречит логике существования права, как инструмента, применяемого государством и специально уполномоченными органами, но и самому способу существования частных начал в уголовном процессе. Так как на сегодняшний день данный способ, как логический продуманный инструмент в регулировании общественных отношений, отсутствует. Соответственно, если бы была разрешена коллизия между желанием частных лиц влиять на судьбу уголовного дела и существованием фикции (а возможно даже и презумпции) объективности органов расследования и суда, то всякие разговоры о наличии норм частного характера в публичном уголовном процессе невозможны. Тем более, что характер розыскного уголовного процесса предполагает надежность защиты прав частных лиц этой самой объективностью органов, осуществляющих расследование, и суда, осуществляющего справедливое разрешение дела. В таком контексте существование норм, провозглашающих действие частных начал в уголовном процессе, не более чем субъективная правовая авантюра, дарующая преимущественные права по разрешению дел на до судебной стадии уголовного процесса, которая требует своего исключения из уголовно-процессуального законодательства и тщательного анализа на предмет научной состоятельности существования норм, провозглашающих частные начала в уголовно-процессуальном праве Республики Казахстан.

21. Роль прокурора, его права и обязанности в уголовном процессе должны быть сведены к первоначальной функции представительства интересов стороны обвинения.

Личный вклад соискателя состоит в том, что положения, выносимые на защиту, научные результаты диссертационного исследования получены лично автором. Разработаны критерии и основные виды классификации уголовно-процессуальных преимуществ.

Апробация результатов диссертации проводилась в форме обсуждения основных положений диссертации на конференциях различного уровня.

Большинство сформулированных в диссертации идей, предложений и рекомендаций получило апробацию на международных и ведомственных научно-теоретических и научно-практических семинарах, конференциях и коллоквиумах.

Основные выводы диссертации, имеющие практическую значимость, обобщены в виде рекомендаций и направлены в парламент

Республики Казахстан, Генеральную прокуратуру Республики Казахстан, Верховный Суд Республики Казахстан, а также внедрены в образовательные процессы КЭУ, Академии МВД РК, КарГУ.

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях. При обосновании своих выводов по вопросам, связанным с существованием правовых преимуществ, автор обращался к исследованиям и анализу научной и учебной литературы по общей теории государства и права, философии, уголовному, уголовно-процессуальному праву и криминалистике, как зарубежных, так и отечественных авторов.

По теме диссертационного исследования диссертантом опубликовано 29 работ, из которых 12 — в изданиях, рекомендованных Комитетом по контролю в сфере образования и науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, 10 в изданиях, рекомендованных НАК Кыргызской Республики, 1 в издании рекомендованном ВАК России.

Структура и объем диссертации соответствуют содержанию и результатам проведенного исследования, а также отвечают требованиям, предъявляемым соответствующей Инструкцией НАК Кыргызской Республики. Работа состоит из введения, пяти глав, двух разделов, заключения, списка использованных источников и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность и степень научной разработанности, раскрывается ее научная новизна, определяются цели, задачи, объект и предмет исследования, характеризуются методологическая, теоретическая и эмпирическая база исследования, показывается теоретическая и практическая значимость работы, приводятся данные об апробации полученных результатов, а также формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Теоретическая сущность преимуществ в уголовном процессе»**, состоящей из двух разделов, формируется методологическая основа для дальнейшего научного анализа теоретических вопросов сущности преимуществ в уголовном процессе.

В первом разделе **«История развития преимуществ в уголовном процессе (извлечения из краткого анализа)»** анализируются сложившиеся в истории права подходы в понимании категории «преимущества» и описывается их правовое проявление. На основе чего диссертант делает следующие выводы:

1. Введение и закрепление в современном уголовном судопроизводстве института иммунитета — это вполне закономерный и

позитивный результат демократизации общественных отношений в стране, результат тех правовых реформ, которые проводятся в нашем государстве. В этой связи значение иммунитета состоит в том, что его наличие предполагает существование частных начал в уголовном процессе. При этом развитие иммунитета происходит по двум основным направлениям: иммунитет дипломатический и иммунитет свидетельский, что подтверждается в ходе проведенного исследования.

2. Анализ истории развития иммунитета в праве предполагает наличие тенденции увеличения его видов за счет перехода многих правовых изъятий в разряд иммунитетов. По мнению диссертанта, такой переход будет происходить посредством расширения влияния принципа диспозитивности на данные изъятия, что и позволит считать их иммунитетами.

3. Что же касается правовых привилегий, то соискатель связывает их существование с политически неустойчивой структурой в государстве, а так же наличием противоречий в социуме и существованием в нем права, который как правовой инструмент не справляется с регулированием этих противоречий и находится на низком культурном уровне. С позиции автора, в ситуации повышенной энтропии сегодняшнего общества делать какие-либо выводы о перспективах существования или развития данного вида преимуществ, как минимум, преждевременно.

Во втором разделе *«Структура уголовно-процессуальных преимуществ и их теоретическая характеристика»* рассматриваются основополагающие вопросы понятийного аппарата. В результате чего диссертант заключает, что понятия «преимущества в уголовном процессе» или «уголовно-процессуальные преимущества» имеют тождественный характер. Кроме того, делая выводы о сущности уголовно-процессуальных изъятий, соискатель полагает, что изъятия — это всякого рода запреты:

1) связанные с участием лица в тех или иных действиях, направленных на расследование преступлений — на возможность проведения тех или иных действий:

- с участием тех или иных лиц (участников процесса);
- связанных с использованием предметов, принадлежащих тем или иным лицам (участникам процесса);
- связанных с использованием документов, принадлежащих тем или иным лицам (участникам процесса);
- связанных с использованием помещений, принадлежащих тем или иным лицам (участникам процесса);

2) связанные с невозможностью принятия решений в отношении того или иного лица;

3) связанные с возможностью применения мер принуждений в отношении того или иного лица.

Касааясь теоретической сущности правовых изъятий, автор утверждает, что изъятие — это, прежде всего, невозможность действия общих правил отношении отдельных лиц либо предметов, носящее характер преимущества для того или иного субъекта или их группы.

При этом особый порядок производства по делу как уголовно-процессуальное преимущество — это такой порядок производства, который носит характер преимущества по отношению к какому-либо субъекту или их группе, являющийся отличительным по отношению к отдельной категории лиц, для которой гносеологически должны быть логичными установления, являющиеся общими как для данной категории, так и для других участников, чей функциональный или целевой статус является общим либо может быть обобщен по ряду важных признаков. Такая важность является доминирующим фактором, как условие, стоящее по значимости выше, нежели чем какие-либо дифференцирующие условия.

Привилегиями же следует считать всякие преимущества особого порядка производства, заключающиеся в том, что принимаемые решения по делу связаны со следующими обстоятельствами:

- наличием фикций преимущественного толкования доказательств;
- наличием решений, принятие которых определяется не правовой, аличной логикой (например, ст. 496 УПК РК «Производство предварительного следствия в отношении депутата Республики Казахстан»). Часть 2 данной нормы прямо указывает на особый порядок принятия решения о возбуждении уголовного преследования в отношении депутатов и определяет, что данное решение принимается самим же депутатским корпусом.

В свою очередь, основа особых производств определяется существованием особых порядков проведения отдельных следственных и процессуальных действий, при этом этот особый порядок четко прослеживается уголовно-процессуальной или какой-либо другой законодательной и правовой логикой и основан на существовании иного порядка проведения действий, но не принятия решений.

Под уголовно-процессуальным иммунитетом, по мнению диссертанта, следует понимать форму преимуществ, выражающуюся в регламентации, порядке, условиях освобождения отдельных категорий лиц от выполнения некоторых обязанностей, накладываемых общими уголовно-процессуальными правилами, пользование которым зависит непосредственно от волеизъявления лиц, обладающих данным преимуществом. То есть иммунитет — это преимущество, реализация

которого зависит только от лица, им обладающего. В такой трактовке иммунитет, по сути, превращается в дополнительное право, которое характеризуется ложной окраской, связанной с освобождением от обязанности. Это вызвано тем обстоятельством, что традиционно иммунитет воспринимается именно как исключительность из общих правил.

В отношении причин представления преимуществ в уголовно-процессуальном праве соискатель полагает, что таковые находятся в теснейшей корреляции со следствиями и причинами других социальных отношений. То есть практически все причины предоставления преимуществ стоят собственно вне уголовно-процессуальной логики. Исключениями являются некоторые виды преимуществ, связанные с участием подозреваемого, обвиняемого, подсудимого. В данном случае, наделение большей частью преимуществ данного участника вызвано уголовно-процессуальными причинами сохранения баланса обвинения и защиты. Хотя, как это ни парадоксально звучит, данный факт по сравнению с массивом прочих преимуществ скорее исключение из правил, нежели чем само правило. По этой причине сущность данных преимуществ рассматривается в диссертации несколько отдельно от всей остальной массы уголовно-процессуальных преимуществ, вызванных другими причинами. При этом, основными причинами предоставления преимуществ вообще в обществе, как способа регулирования общественных отношений, следует считать:

- отнесение того или иного вида деятельности к числу видов деятельности, имеющих особое значение для государства;
- отнесение того или иного вида отношений в обществе к числу видов отношений, имеющих особое значение для государства.

Вторая глава «**Уголовно-процессуальные изъятия как отдельный вид преимуществ в уголовном процессе**» раскрывает сущность изъятий в праве и уголовном процессе. Отмечается, что правовые изъятия — это способ регулирования общественных отношений посредством исключения тех или иных лиц из числа субъектов, на которые распространяются те или иные правила. Диссертант указывает, что логически такие исключения могут быть как положительными, так и отрицательными для самого субъекта, в отношении которого делается исключение. Однако такой дуализм предполагает, что исключения играют роль факторов, изменяющих правовое положение субъектов или в любом случае несущих определенные выгоды одному из этих субъектов. В случае с отрицательным изъятием лица из общих правил преимущества получают те субъекты, которые находятся в плоскости действия самих правил. А в случае с положительным изъятием преимуществами обладают сами лица,

изымаемые из действия общих правил. Таким образом, изъятие как исключительный способ регулирования отношений в любом случае создает группу субъектов, для которых само изъятие играет положительную роль, и поэтому всегда носит преимущественный характер. Такая взаимосвязь правовых изъятий и правовых преимуществ определяет вектор дальнейшего рассмотрения тех или иных вопросов уголовного судопроизводства, связанных с преимущественным регулированием отношений.

В контексте установления правил и обязанностей, из которых изымается субъект, соискателем освещаются вопросы о сущности равенства в исполнении общих обязанностей всеми участниками процесса. В этой связи, указывается на то, что в действующей теории права имеет место дилемма. С одной стороны, необходимость успешности уголовного судопроизводства, залогом которого является общеобязательность всех предписаний о его проведении, с другой стороны, необходимость защиты прочих социальных интересов, определяющих понимание равенства в трактовке В. С. Нерсеяна [2, с. 138-152]. То есть, в одном случае, признать ничтожными функциональные интересы уголовного судопроизводства в угоду «цивилитарной» логике означает сделать шаг к развитию в области этого самого цивилитарного общества. В другом, — этот шаг делается в сторону хаоса и отдаляет общество от справедливости, так как возмездие за совершенное преступление становится менее вероятным. Более того, возникают и серьезные сомнения в пользу того, что подход цивилитарного понимания равенства действительно позволяет сохранить равенство в ходе уголовного судопроизводства как такового. Эти сомнения связаны с тем, что защищая интересы того или иного субъекта в ходе уголовного судопроизводства посредством предоставления ему преимущественных прав или изъятия его из действия каких-либо правил, предполагается, что данные права позволяют уравнивать его в обществе, согласно его навыкам, умениям и т. п. (цивилитарный подход) [2, с. 20-21].

Кроме того, аргументируя позицию В. С. Нерсеянца о невозможности равенства, автор считает, что цивилитарный подход призван реализовывать «эгоистические» потребности человека и, соответственно, цели гражданского общества, но при этом эгоистические потребности неконтролируемы, по сути. В связи с чем основным становится вопрос разделения «законных» и «незаконных» стремлений человека, как в их формальном понимании, качества данных социально-позитивных стремлений и в фактической конкуренции данных интересов по отношению к конкретным ситуациям и лицам.

Например, на уровне фикции право соответствует истинному

пониманию законности и справедливости, то тогда процесс судопроизводства призван определить сам факт «законности» интересов субъектов, как их качественной характеристике. Между тем, главенствующим является решение суда о таком соответствии, определяемое одним из элементов презумпции невиновности: «Каждый считается невиновным пока его виновность в совершении преступления не будет признана вступившим в законную силу приговором суда» (ч. 1 ст. 77 Конституции РК).

В такой ситуации все участники уголовного процесса позитивны на уровне законодательной фикции, с которой сделать ничего нельзя. Это обстоятельство делает их фиктивно равными, с точки зрения их намерений, и в достижении ими общей цели — справедливом разрешении дела. Таким образом, лица, участвующие в уголовном судопроизводстве, в том числе и противоборствующие стороны, становятся гипотетически равными в своих возможностях по отстаиванию собственных интересов в ходе уголовного процесса или логически должны быть равны в этом. При этом дуализм ситуации проявляется в том, что гипотетика равенства как раз так противоречит цивилитарному подходу, отстаивающему дифференциацию приобретаемых прав и, соответственно, проводящему разницу между математическим и фактическим равенством. Однако это не всегда так, так как специфика уголовно-процессуальных отношений проявляется в том, что они, будучи «орудием» и способом достижения справедливости, подчиняются собственной логике реализации данного способа, связываемого с функциональными характеристиками самого процесса судопроизводства и, прежде всего, расследования. Сообразуясь с этим, становится очевидно, что между математически-функциональным равенством в уголовном процессе и равенством социальным можно поставить знак равно (=) и отождествить их в полной мере.

Однако анализ ст. 82 УПК РК «Свидетель» указывает, что лица изымаются из действия «общего» правила о необходимости дачи ими показаний. Данное изъятие имеет характер преимущества в виду того, что исключает возможность истребования и получения от них информации, которая может повлечь отрицательное значение для них самих, их близких родственников и вообще лиц, благополучие которых находится в сфере интересов лица, изъятая из действия правил о необходимости допроса и участия в качестве свидетеля по уголовному делу. Кроме того, преимущественность данной нормы связана с организационными плюсами, определяемыми отсутствием необходимости по явке в органы правосудия и трате времени для участия в уголовном судопроизводстве в качестве свидетеля.

Совершенно очевидно, что данная норма изымает из действия

правила о даче показаний всеми участниками предварительного следствия указанных в данной норме лиц. Дифференциация такого изъятия легко определяется соотношением ч. 1 и ч. 2 настоящей статьи.

Например, статус судей определяется участием в уголовном судопроизводстве в качестве субъектов, призванных разрешать дела. Поэтому причина предоставления данного преимущества напрямую связана с необходимостью создания условий благоприятного разрешения ими дел. Предположительно она заключается в том, что общая обязанность в даче показаний по факту рассматриваемого дела может поставить этих субъектов в ранг отчитывающихся о своих действиях субъектов и нарушить так называемую «тайну совещательной комнаты». Поэтому сущность преимущества заключается в придании ему статуса способа защиты «тайны совещательной комнаты» посредством невозможности истребования информации о характере процесса рассмотрения дела.

Представленный вид преимущества имеет и свое отрицательное значение для уголовного судопроизводства:

- невозможность допроса об обстоятельствах рассмотрения дела судьями (третьей инстанцией), арбитрами, присяжными заседателями не позволяет установить обстановку рассмотрения дела, которая имеет важное значение при сомнениях в пользу компетентности, порядочности, коррупционности данных субъектов. В этой связи указанный субъект, гипотетически, может себе позволить принимать решения в искажении установленных судебным следствием обстоятельств и быть уверенным в том, что он не понесет наказания. Особое значение этот вопрос может принимать в случаях повторного рассмотрения дела в кассационных, апелляционных, надзорных инстанциях;

- как следствие, данное обстоятельство влечет создание условий коррупционности судейского аппарата государства. Более того, в условиях усложненной формы привлечения к уголовной ответственности и уголовного преследования судейского аппарата, предусмотренного главой 53 УПК РК «Особенности производства по делам лиц, обладающих привилегиями и иммунитетом от уголовного преследования», это обстоятельство приобретает характер совокупного элемента, делающего неконтролируемость, порядочность и коррупционность судебной ветви власти в стране очевидным фактом. Поэтому в целях изменения описанной ситуации необходимо сделать данное правило не исключительным изъятием преимущественного значения, а перевести в разряд особых порядков принятия решений, заключающихся в том, что данные лица все-таки должны являться свидетелями. То есть они не должны быть изъяты из числа гипотетических свидетелей, а могут быть допрошены в ходе особых

процедур по рассмотрению принятых ими решений в случаях пересмотра судебных решений в порядке надзора. В связи с этим целесообразно изменить содержание п. 1ч. 2 ст. 82 УПК РК, изложив в следующей редакции:

«2. Не подлежат допросу в качестве свидетеля:

1) судья, присяжный заседатель — об обстоятельствах уголовного дела, которые им стали известны в связи с участием в производстве по уголовному делу, а также в ходе обсуждения в совещательной комнате вопросов, возникших при вынесении судебного решения, могут быть допрошены только с согласия председателя Верховного суда Республики Казахстан. Последний может быть допрошен только с согласия высшего судебного совета Республики Казахстан».

При рассмотрении преимуществ, основанных на нахождении в поведении принципа диспозитивности в уголовном процессе, автор указывает как влияет парадокс психологического восприятия права участника процесса на сам процесс, который вытекает из того, что сегодня государство фактически берет на себя всю ответственность за конечный результат правосудия и соответствие его справедливости как таковой. Одновременно, этот шаг влечет за собой возникновение «ответственного» субъекта, на которого можно возложить все неудачи. И такие неудачи возлагаются на государство. В такой ситуации уже никто не вспоминает то, что государство берет на себя ответственность (как минимум, финансово содержит аппарат расследования), хотя каждый из участников требует такого удовлетворения обслуживания своих интересов, которое может быть и не связано с интересами других членов общества. Все это происходит под лозунгами свободы, гражданского общества и права в самостоятельном отстаивании своей позиции. Другими словами, в ситуации минимального обеспечения правосудия и фактического наличия защищенности, которое дает публичности которое отрицать нельзя, человек забывает о том, что сам результат этого обеспечения связан с определенной деятельностью государства и начинает ошибочно полагать, что самостоятельное отстаивание им своих интересов может быть более продуктивным. И это неверно, как минимум, с двух точек зрения — с эвристической и профессиональной. Тем более что иллюзия более продуктивного отстаивания своих интересов связана с реальным или ошибочным представлением об общей энтропии ситуации и таким же представлением о собственных средствах отстаивания своих интересов.

Таким образом, в человеческом сознании рождается желание изменить механизм осуществления правосудия так, чтобы единое правило в необходимости проведения расследования и подвластности решениям государства (публичности) было устранено в пользу его конкретных

интересов второй или иной ситуации. При этом конкретика его личных интересов как личности отождествляется и подменяет собой интересы личности как члена общества. В контексте такой некачественной подмены возможны рассуждения о несоответствии публичности свободе личности. Ярким примером является случай, связанный с вероятностью примирения сторон в ходе расследования. На взгляд диссертанта, такая возможность удовлетворяет интересы конкретных лиц без нанесения им ущерба, связанного с расследованием. Однако нельзя забывать, что в данной ситуации, как минимум, нарушается prerogative суда на принятие решений о виновности или невиновности лица. При этом любые рассуждения о виновности связаны не с конкретикой отношений двух субъектов, а с оценкой данных действий обществом или как отрицательных, или как положительных. В таком контексте сам факт примирения сторон не имеет ровно никакого значения, так как оценке подлежит само действие примиряемого, а не отношение к этому действию его и того с кем он примиряется.

Объективность оценки обществом деяния фигуранта по делу основана на невозможности предугадывания вероятности совершения им нового преступления и гипотетическом желании защитить себя (т. е. общество) от новых преступных действий данного лица. Интересы примиряемых отодвигаются на второй план, так как сам факт совершения преступления в отношении жертвы — сигнал общественного, а не личного характера. И потому, желание примиряемого примириться с преступником может носить только личный характер самой жертвы, вне влияния этого примирения на сам ход привлечения преступника к ответственности. Ответственность в этом случае выступает следствием состояния ума преступника, направленного на преступное действие, что подтверждается самим фактом его совершения. В этой связи так называемое примирение просто нарушает принцип справедливости, который трактуется как «соразмерность между деянием и воздаянием» [3; 4].

Указанные, а также другие доводы свидетельствуют, что в такой ситуации смешение моделей розыскного и состязательного процесса в контексте смешения частных и публичных начал может привести только к искажению функционального процесса защиты интересов тех или иных лиц и к нарушению самого течения процесса такой защиты.

Кроме того, соискатель приходит к выводу, что нахождение составов, предусмотренных ст. ст. 105, 111, 123, 129, 130, 136, 140, 142, 144 (ч. ч. 1 и 2), 145 (ч. 1), 188 (ч. 1), 300 (ч. 1) УК Республики Казахстан, в ч. 2 ст. 33 УПК РК «Преступления, по которым уголовное преследование может осуществляться в частном порядке» не вызвано никакими

логическими причинами, позволяющими отличить данные составы от других составов Уголовного кодекса. Такая постановка вопроса стала возможна благодаря отсутствию логических критериев использования принципа диспозитивности в уголовном процессе. Получается, что наличие конкретно-выраженных частных начал в уголовном процессе не только противоречит логике существования права, как инструмента, применяемого государством и специально уполномоченными органами, но и самому способу существования частных начал в уголовном процессе. На сегодняшний день данный способ, как логически продуманный инструмент, отсутствует.

Рассматривая вопрос о сущности преимуществ участников процесса в соотношении сторон в уголовном процессе (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый — потерпевший, истец), диссертант указывает на то, что в данном случае, привилегированность положения обвиняемого объясняется тем, что

лицо, обвиняемое в совершении преступления, на сегодняшний день имеет некоторые преимущества по отношению к стороне обвинения. Предположительно такие преимущества ему даны для того, чтобы уравновесить их фактическое неравенство. Как полагает В. М. Савицкий, повышение статуса обвиняемого является залогом демократизации уголовного процесса [5, с. 96].

Поэтому обвиняемый обладает преимуществами, составляющими так называемый «*favor deffensionis*» (благоприятствование защите), например, право защиты выступать в суде после обвинителя, право подсудимого на последнее слово, запрет «поворота к худшему», и т. п. [6, с. 75], или же презумпция невиновности (ч. 3 ст. 19 УПК РК), которая состоит из того, что:

- никто не обязан доказывать свою невиновность;
- всякие неустранимые сомнения толкуются в пользу подозреваемого (обвиняемого). В пользу обвиняемого (подозреваемого) должны разрешаться и сомнения, возникающие при применении уголовно-процессуального и уголовного закона.

Ярким примером уголовно-процессуального преимущества, как математического неравенства, является и отсутствие у обвиняемого (подозреваемого) каких-либо процессуальных обязанностей.

Исследуя сущность данного вида преимуществ, соискатель указывает на то, что преимущества пассивных способностей в защите не могут поглотить собой активные способности в обвинении. Такое замещение невозможно, по сути, так как таким замещением сравниваются одинаковые категории причины и следствия. По отношению к данному вопросу причиной, как источником, побудившим возникновение защиты,

является деятельность стороны обвинения. Поэтому, в данном случае, с позиции логики противоборства сторон, сторона защиты может реагировать только на объяснения конкретных фактов, трактовка которых угрожает ее интересам. Сама же она не в состоянии проводить активных действий, направленных на поиск доказательств, по крайней мере, в разрезе тех процедур, которые закреплены Уголовно-процессуальным кодексом. Эту ситуацию можно сравнить с угадыванием возможных направлений опасности, но не с локализацией самой угрозы законодательно-предусмотренным способом.

В таком контексте понимания преимущественных прав органа уголовного преследования и стороны защиты (состязательности) автор приходит к выводу, что необходимо: 1) наделить правом ведения параллельного расследования сторону защиты в том объеме, в котором им пользуется орган уголовного преследования со всеми вытекающими отсюда последствиями; 2) пересмотреть структуру отношений стороны защиты и обвинения за счет исключения органов уголовного преследования из числа органов, входящих в число стороны обвинения или изменить организационную структуру участников и органов уголовного процесса. При этом целесообразно: 1) дать определение понятию «Органы уголовного преследования», под которыми понимаются органы расследования, которые никого не преследуют, осуществляя независимое и объективное расследование всех обстоятельств дела; 2) отнести к стороне обвинения в уголовном процессе только органы прокуратуры, при этом прокуратура лишается права возбуждения уголовного дела и ее функции сводятся к первоначальным по историческому замыслу ее возникновения (т. е. только представление интересов государства в суде).

Таким образом, на основе вышеизложенного, по мнению диссертанта, необходимо исключить из уголовно-процессуального законодательства ст. 190 УПК РК «Надзор прокурора за законностью возбуждения уголовного дела», п. п. 1-6, 8-17 ч. 1, ч. 2 ст. 197 УПК РК «Полномочия прокурора в ходе предварительного следствия», а также ст. 289 УПК РК «Полномочия прокурора по надзору за дознанием» с предоставлением осуществления данных прав суду, как органу, разрешающему претензии сторон. Соответственно, представив данные нормы как ст. 190 УПК РК «Надзор суда за законностью возбуждения уголовного дела», ст. 197-1 УПК РК «Полномочия суда в ходе предварительного следствия» и ст. 289 УПК РК «Полномочия суда по надзору за дознанием».

Более того соискатель считает, что по каким-то неведомым причинам отсутствие нормы в Уголовном кодексе Казахстана, устанавливающей

ответственность подозреваемого и обвиняемого, подсудимого за дачу ими ложных показаний в ходе судопроизводства по делу, некоторые юристы относят данный вид преимущества к элементам презумпции невиновности. По сути, данное преимущество носит характер уголовно-процессуального изъятия. Однако проведенный анализ исторического возникновения презумпции невиновности и ее сегодняшнее состояние позволяет автору утверждать том, что данная норма не имеет никакого отношения к презумпции невиновности. Существование данной нормы вообще не вызвано никакой необходимостью и несет прямой ущерб общественным отношениям. Диссертант считает, что отказ от дачи показаний, каким обладает подозреваемый, обвиняемый и подсудимый в контексте отказа от самообвинения, справляется с функцией защиты не менее успешно, чем фактические ложные показания. В этой связи предоставление ему фактического права лгать не вызывается ни с какими логическими причинами обеспечения права на защиту.

В третьей главе **«Особые порядки производства как преимущества в уголовном процессе и привилегии как отдельный вид преимуществ в уголовном процессе»** анализируется сущность особого порядка производства и его виды.

Так, особый порядок производства по делу — такой порядок производства, который является отличительным по отношению к отдельной категории лиц, для которой, гносеологически, должны быть логичными установления, являющиеся общими как для данной категории, так и для других участников, чей функциональный или целевой статус является общим либо может быть обобщен по ряду важных признаков. Такое описание является преамбулой к последовательному рассмотрению всех видов особых порядков производств по делу.

Однако при этом диссертант указывает на то, что структура закрепления привилегий в уголовно-процессуальном законодательстве свидетельствует о том, что привилегии в уголовном процессе предоставлены четырем категориям лиц — это депутаты Парламента Республики Казахстан, Председатель и члены Конституционного совета Республики Казахстан, судьи, Генеральный прокурор. В результате функционально особенности расследования заключаются:

1. В особых субъектах возбуждения уголовного дела.
2. В обязательности проведения расследования по делам о производстворасследования в отношении перечисленных категорий лиц.
3. В необходимости согласования решений об аресте, приводе, привлечении к уголовной ответственности за исключением случаев задержания на месте преступления или совершения тяжких или особо

тяжких преступлений.

Первая и третья особенности могут быть названы преимуществами, поскольку так или иначе влияют на эвристический процесс расследования. Вторая является только лишь особенностью, ибо логически проведение расследования является формой расследования, предполагающей больший инструментарий в постижении истины, нежели чем дознание. Поэтому ее нельзя считать преимуществом в уголовном процессе. Кроме того, сам характер формы расследования не предполагает существования каких-либо преимуществ по отношению к какому-либо субъекту, так как оценка фактов, как доказательств, и в том и в другом случае неизменна.

Что касается первого вида проявления преимуществ в форме особых порядков производства по делу, то на причинном уровне существования особых субъектов возбуждения уголовного дела как преимущества связанос иллюзией повышенной защищенности субъекта в результате сужения количества субъектов, могущих осуществлять его уголовное преследование. Его характер определяется тем, что количество субъектов, могущих возбудить уголовное дело в отношении лиц, не влияет на объективность принятия решения о возбуждении уголовного дела. На этот факт мало влияет исравнительная характеристика субъектов, которые могут возбудить уголовное дело в отношении перечисленных категорий лиц. При этом такая сравнительная характеристика основывается на сравнении следующих субъектов: следователь, прокурор — руководитель государственного органа Республики Казахстан, осуществляющего дознание и предварительное следствие, Генеральный прокурор, заместитель Генерального прокурора.

В проведении такой характеристики процессуальные фигуры следователя и прокурора нисколько не проигрывают руководителю государственного органа Республики Казахстан, осуществляющего дознание и предварительное следствие, Генеральному прокурору, заместителю Генерального прокурора в своих профессиональных качествах. Тем более, что особыесубъекты возбуждения уголовного дела (руководитель государственного органа Республики Казахстан, осуществляющий дознание и предварительное следствие, Генеральный прокурор, заместитель Генерального прокурора) в отношении депутатов Парламента Республики Казахстан, Председателя и членов Конституционного совета Республики Казахстан, судьей, Генерального прокурора более профессиональны — нельзя. Преимущество последних над фигурами следователя и прокурора сугубо иерархичны, но непрофессиональны. К тому же в данной ситуации можно смело утверждать, что с позиции презумпции объективности гипотетически все

эти участники равны, а следовательно никаких доводов в пользу этого нет.

Более того, в интерпретации ситуации, вызванной существующей законодательной регламентацией такой «защиты», имеют место значительные минусы, так как в данном случае возникает так называемый критерий иерархичности при принятии решения, который обуславливается вероятностью возникновения личных связей между данными лицами.

Таким образом, получается, что сужение количества субъектов, способных возбудить уголовное преследование, одновременно повышает вероятность воздействия на эти субъекты, а также успешность такого воздействия, что делает существование правила об эксклюзивном праве возбуждения уголовного дела в отношении депутатов Парламента, Председателя членов Конституционного совета, судьи, Генерального прокурора руководителем государственного органа, осуществляющего дознание и предварительное следствие, Генеральным прокурором, заместителем Генерального прокурора правилом, требующим своего исключения из уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан.

Более того, в указанной ситуации повышается сама вероятность деструктивного личного контакта ограниченного числа лиц, обладающих привилегиями, и такого же числа лиц, полномочных защищать правосудие в ситуациях, связанных с участием первых. В таком контексте сама эффективность правосудия значительно снижается.

Также диссертант считает, что необходимость согласования решений об аресте, приводе, привлечении к уголовной ответственности — это преимущество особого порядка производства по уголовному делу, как уголовно-процессуальной привилегии. На причинном уровне возникновение этого преимущественного элемента следует связать все с той же иллюзией повышенной защищенности субъекта в результате сужения количества субъектов, могущих осуществлять его уголовное преследование. Однако сужение количества этих субъектов достигается за счет введения переменной, влияющей на вероятность принятия решения уже суженным кругом субъектов. Другими словами, фактически вводится второй субъект, призванный решать вопросы об уголовном преследовании депутатов Парламента Республики Казахстан, Председателя и членов Конституционного совета Республики Казахстан, судей, Генерального прокурора.

Сущность представленной иллюзии, на взгляд соискателя, заключается в том, что с позиции презумпции объективности органов расследования они уже являются достаточно объективными для принятия тех или иных решений. Что очевидно и как следствие самой идеи

объективного «инквизиционного» расследования и последующего состязательного характера судебного рассмотрения. В этой связи необходимость дополнительного согласования решений об аресте, приводе, привлечении к уголовной ответственности обсуждаемых фигурантов, как фактическое введение второй персоны, призванной решать вопрос об уголовном преследовании, нелогично. Однако внешне этот прием позволяет создать иллюзию «двойного сита» при принятии решений указанного характера, с помощью которого можно снизить вероятность принятия необъективного решения в отношении обсуждаемой группы фигурантов. Само это заблуждение и является иллюзией, которая вызвала существование норм о необходимости согласования решений об аресте, приводе, привлечении к уголовной ответственности депутатов Парламента Республики Казахстан, Председателя и членов Конституционного совета Республики Казахстан, судей, Генерального прокурора.

Таким образом, получается, что существование необходимости согласования решений об аресте, приводе, привлечении к уголовной ответственности как преимущественного элемента, как и в случае с предыдущим преимущественным элементом, влияет не на характер защиты депутатов Парламента Республики Казахстан, Председателя и членов Конституционного совета Республики Казахстан, судей, Генерального прокурора. Кроме того, оно не является дополнительной гарантией защиты данных лиц от необоснованных решений негативного характера. По сути, данное преимущество создает помехи в расследовании организационного характера и тем самым «играет на руку» обсуждаемой категории лиц (депутатов и пр.). Поэтому нормы, его закрепляющие, следует считать преимущественными. Таким образом, данное преимущество можно считать негативным.

Кроме того, диссертант указывает на то, что вопрос об ответственности депутатов Парламента Республики Казахстан, Председателя и членов Конституционного совета Республики Казахстан, судей, Генерального прокурора стоит вне суда. Так как право привлечения к уголовной ответственности законодательно отнято у суда и передано Парламенту. Более того, отнято не только право привлечения к уголовной ответственности, отнята функция свершения правосудия.

По факту состояния существующего законодательства это право передано корпоративной группе, среда которой не является однозначно юридической. Другими словами, в отличие от суда, как профессионально подготовленного для отправления правосудия органа, в структуре «системы» разделения властей этим самым правосудием занимается Парламент, как орган, который не имеет функционально-

профессиональных навыков в осуществлении правосудия. В этом случае необходимо обратить внимание и на субъективную сторону момента, которая проявляется в том, что по существу сам факт наличия обсуждаемых норм в уголовно-процессуальном законодательстве является результатом превышения Парламентом полномочий по принятию законодательных актов, напрямую усиливающие позиции законодательной власти среди прочих ветвей власти, тем самым нарушающие принцип разделения властей. В контексте такой логики никто не мешает Парламенту принимать законы, устанавливающие и другие преимущества, в том числе и не только уголовно-процессуальные. Очень ярко это проявляется в принятии Парламентом нормативных актов, устанавливающих степень оплаты труда самих парламентариев. При этом и в первом, и во втором случае отсутствует необходимое вето Президента. Поэтому, по мнению диссертанта, необходимо принять нормативный акт, устанавливающий право оценки суммы материального вознаграждения всех государственных служащих только Президентом, что позволило бы создать основы баланса в оплате труда всех государственных служащих.

В свою очередь, на уровне Конституционного закона Республики Казахстан, имеющего приоритет над Уголовно-процессуальным кодексом Республики Казахстан, необходимо установить сроки, которые значительно снизят вероятность привлечения к уголовной ответственности депутатов Парламента Республики Казахстан, Председателя и членов Конституционного совета Республики Казахстан, Генерального прокурора Республики Казахстан, так как:

1. После освобождения и места задержания привилегированный фигурант находится на свободе примерно семнадцать суток, в течение которых он вполне может влиять на предварительное следствие, продолжать заниматься преступной деятельностью и в конце концов скрыться от органов правосудия.

2. Органы правосудия практически лишены возможности стеснить данное лицо в свободе, так как прочие меры пресечения, как минимум, не могут гарантировать, чтобы это лицо не скрылось от органов правосудия.

3. Вся эта ситуация полностью распространяется и на процедуру привлечения лица в качестве обвиняемого по уголовному делу.

Тем более, что существование ч. 2 ст. 32 Конституционного закона Республики Казахстан «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов» [7] не распространяется на ситуации с определением процедуры сроков получения согласия на уголовное преследование, а также применение мер принуждения «арест» и «привод» судей Республики Казахстан, оставляя правоприменителя в неведении относительно алгоритма собственных действий. Каких-либо

законодательных и вообще нормативных актов, позволяющих осветить указанную проблему, в данном случае нет.

В четвертой главе **«Особенности производства в отношении несовершеннолетних и невменяемых, как категория уголовно-процессуальных преимуществ»** исследуются сущность данных видов преимуществ и логика их возникновения. В результате чего диссертант приходит к выводу, что индивидуальность подхода к личности в уголовном судопроизводстве является основой и причиной для возникновения норм, провозглашающих преимущества несовершеннолетних и невменяемых. В этой связи исследование сущности любого процесса происходит постоянно. Такая постоянность и непрерывность определяется тем, что любая личность познает что-либо субъективно. Данная субъективность связывается как с осознанием явления (процесса, события или предмета) в объективно выраженных знаниях, так и с осознанием данных знаний в субъективном сознании человека. Другими словами, человек всю жизнь познает как неизвестные, так и уже ему известные факты, что предполагает его вероятную отсталость в той или иной области, в том числе возможно очевидной. Одновременно это предполагает и повышенный объем знаний в другой отрасли, могущей стать средой совершения преступления. Все это приводит к выводу, что возрастная фикция, определяющая условия наступления уголовной ответственности и условия уголовного преследования, должна быть исключена из Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Республики Казахстан. Такая фикция должна быть заменена решением экспертного исследования, отражающего вопросы вероятности и форм уголовной ответственности любого субъекта, а также определения степени и форм его участия в уголовном процессе. В свою очередь, это требует исключения из уголовно-процессуального законодательства главы 52 УПК РК «Производство по делам о преступлениях несовершеннолетних».

Данный способ влечет за собой весьма объемный вопрос организационного расширения экспертных структур. Вместе с тем, такое расширение гораздо более эргономично, практично и экономично с позиции сокращения большого объема норм уголовного и уголовно-процессуального характера и качества самого правосудия. Диссертант предполагает, что его выводы должны иметь распространение и на все отрасли юридических наук и законодательства.

Анализ же механизма конкретных преимуществ в нормах главы 52 УПК РК «Производство по делам о преступлениях несовершеннолетних» и главы 54 УПК РК «Судопроизводство по делам о применении принудительных мер медицинского характера к невменяемым»

показывает, что восприятие норм об указанных специфических субъектах в уголовном процессе как норм, особенно и преимущественно регулирующих их участие в уголовном процессе, ошибочно. Поскольку глава 54 УПК РК не содержит норм, которые можно было бы считать преимущественными. Большая часть норм, находящихся в данной главе, обеспечивает индивидуальный статус лица, страдающего психическим заболеванием. В отличие от статуса несовершеннолетнего статус невменяемого лица находится вне фикции и потому достаточно обоснован с точки зрения его юридического сопровождения объемом правовых норм, в том числе и в виде отдельной главы Уголовно-процессуального кодекса. В большей степени существование данного статуса скорее является презумпцией, нежели чем фикцией. При этом презумпция связана с объективной логикой невозможности эффективного участия в ходе уголовного судопроизводства. В этой связи нормы главы 54 УПК РК нельзя назвать преимущественными еще и потому, что они отражают факт функционального соответствия потребностей процедуры производства расследования и состояния субъекта по отношению к возможности участия в данной процедуре. Обобщение невменяемого с прочими субъектами уголовного процесса невозможно даже не по причине действия принципа гуманности, а скорее по причине несоответствия данного субъекта общим требованиям, предъявляемым к участникам уголовного процесса. По сути, невменяемый не является таковым в полной мере, а вопросы, связанные с его участием в качестве потерпевшего по уголовному делу, находятся вне круга прав и обязанностей, которые возложены на представителя невменяемого. Поэтому весь объем норм, предусмотренных данной главой, в полной мере актуален и обоснован с позиции их существования, но считать их преимущественными нельзя в виду отсутствия невменяемого в ряду принципиально равных (конкурирующих либо не конкурирующих между собой) субъектов правоотношений.

В свою очередь, из шестнадцати статей, содержащихся в главе 52 УПК РК, к нормам преимущественного характера можно отнести только две. Это ч. 2 ст. 485 УПК РК «Допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого», а также ч. 3 ст. 491 УПК РК «Задержание и применение мер пресечения к несовершеннолетним». Остальные же четырнадцать статей, по сути, носят бесполезный характер. Они сугубо декларативны вне отсылочного подтверждения самих деклараций. Например, согласно ст. 482 УПК РК «Ограничение гласности по делам несовершеннолетних»: «Право несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого на конфиденциальность должно соблюдаться на всех этапах уголовного судопроизводства». С точки зрения юридической техники

норм, данная статья выражена как принцип права, ибо никаких условий ограничения конфиденциальности вообще в ней не прослеживается. При этом диссертант утверждает, что такое ограничение гласности недопустимо по отношению к любому субъекту вообще. А если и ограничивается, то согласно ст. 16 УПК РК «Неприкосновенность частной жизни. Тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений» — «только в случаях, прямо установленных законом». Если же считать, что данный случай прямо предусмотрен главой 12 УПК РК «Обеспечения безопасности лиц, участвующих в уголовном процессе», то необходимо признать, что в данной главе несовершеннолетний в качестве особого субъекта отсутствует вообще.

Таким образом, следует считать логичным, что данная норма не несет смысловой нагрузки и, видимо, создана как норма, придающая значение юридической возрастной фикции. Аналогичный характер имеет и ст. 481 УПК РК «Обстоятельства, подлежащие установлению по делам о преступлениях несовершеннолетних».

В пятой главе **«Иммунитет в уголовно-процессуальном праве как уголовно-процессуальное преимущество»** рассматриваются актуальные вопросы, касающиеся сущности и проблем иммунитета. В результате проведенного исследования диссертант полагает, что уголовно-процессуальный иммунитет это форма предоставления дополнительных гарантий законных прав и интересов отдельных категорий лиц, которая выражается в регламентации, порядка, условий освобождения этих лиц от выполнения некоторых обязанностей, накладываемых общими уголовно-процессуальными правилами, пользование которым зависит непосредственно от волеизъявления лиц, обладающих данным преимуществом. При этом соискатель указывает на то, что вопрос дифференциации иммунитетов как уголовно-процессуальных преимуществ от уголовно-правовых институтов освобождения от уголовной ответственности и изъятий уголовно-правового характера приобретает особую актуальность в контексте отнесения данных преимуществ, носящих сугубо процессуальное значение, к категории материального права.

Этот вопрос наиболее ярко прослеживается в диссертационных исследованиях М. А. Елизаровой [8] и А. Г. Кибальника [9]. Так, обсуждаемая дифференциация имеет особое значение в преломлении вопросов соотношения уголовно-процессуальных иммунитетов и уголовно-правового освобождения от уголовной ответственности. При этом ученые именуют институты освобождения от уголовной ответственности уголовно-правовыми иммунитетам, относя к ним и

фактические правовые изъятия, и особый порядок производства в отношении отдельных лиц [9, с. 18].

Аргументируя собственную позицию, А. Г. Кибальник приводит их в пользу зависимости категории «уголовно-процессуальный иммунитет» от категории «уголовно-правовой иммунитет». Под понятием «уголовно-процессуальный иммунитет» автор обобщенно понимает достаточно большой спектр преимуществ уголовно-процессуального характера [9, с. 18].

При этом беря за основу заранее неверную позицию Ф. А.-О. Агаева, ученый отмечает, что все процессуальные действия в конечном итоге подчинены одной цели — законной реализации уголовной ответственности согласно установлениям уголовно-материального права. Именно поэтому он утверждает, что уголовно-процессуальные иммунитеты являются производными от уголовно-материальных: «в любом правовом источнике особая процедура проведения процессуальных действий увязывается с тем или иным изъятием лица из сферы уголовного закона (уголовной юрисдикции)». Это подтверждается и тем, что сроки содержания под стражей в случае обвинительного приговора общепринято засчитываются в сроки назначенного наказания. Из чего ученый делает вывод о том, что меры принуждения являются составной частью уголовной ответственности, а если лицо изъято из-под действия уголовного закона, то к нему не могут быть применены меры процессуального принуждения [9, с. 16].

По мнению диссертанта, данная точка зрения является ошибочной, поскольку:

1. Иммунитет — не есть изъятие из общего порядка судопроизводства для отдельных категорий граждан, хотя бы потому, что в этом виде его трактовки невозможна дифференциация с прочими изъятиями, лишенными влияния принципа диспозитивности. Например, невозможность допроса некоторых лиц (судей и т. д.). Иммунитет — есть такой вид преимущества, который основан на использовании волеизъявления лица, им обладающего.

2. Возникновение иммунитета в уголовном процессе во многом связано с процедурными моментами, однако делать из этого вывод о том, что все процессуальные действия подчинены одной цели — законной реализации уголовной ответственности согласно установлениям уголовно-материального права и уголовно-процессуальные иммунитеты являются производными от уголовно-материальных нельзя в виду подмены логических основ в доказывании утверждения.

Ошибочность мнения А. Г. Кибальника связывается с тем, что

процессуальные действия подчинены своей цели, строго обозначенной уголовным законом и правом. Для опровержения этого достаточно привести в пример содержание нормы, определяющей задачи уголовно-процессуального законодательства. Например, ст. 8 УПК РК «Задачи уголовного процесса» гласит:

«1. Задачами уголовного процесса являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших, справедливое судебное разбирательство и правильное применение уголовного закона.

2. Установленный законом порядок производства по уголовным делам должен обеспечивать защиту от необоснованного обвинения и осуждения, от незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина, в случае незаконного обвинения или осуждения невиновного — незамедлительную и полную его реабилитацию, а также способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению преступлений, формированию уважительного отношения к праву».

Как видно дифференциация точки зрения А. Г. Кибальника и общей позиции законодателя очевидна. Кроме того, в контексте утверждений А. Г. Кибальника о соотношении уголовной ответственности и существования иммунитета, как одного из видов преимуществ в уголовном праве, следует учитывать, что реализация уголовной ответственности начинает иметь место не ранее чем будет установлена виновность лица. Именно поэтому основной целью уголовно-процессуальных действий является установление вопроса о виновности либо невиновности лица. Уголовно-процессуальное право является независимым в своем существовании, поскольку логика такого установления связывается не с представлениями о сути нарушенных деянием отношений, а с механизмом расследования, как эвристической деятельности.

Что же касается производности уголовно-процессуальных иммунитетов от уголовно-правовых, то диссертант утверждает, что последних, по сути, не существует, согласовывая свою точку зрения с позицией других ученых [10]. При этом он указывает на то, что общие цели стоят перед многими отраслями наук, что, впрочем, не является причиной для доминанты одной над другой. Например, экзистенциальное стремление человека к жизни определяет прямую зависимость уголовного права от философии и экзистенциализма, в частности. Однако это не является причиной для утверждений о существовании уголовного права только лишь как инструмента философских рассуждений. Более того, даже если и согласиться с такой трактовкой причинной взаимосвязи научно-отраслевого предназначения, то получается, что и с

позиции философии понятия «изъятия», «освобождение» и «особая процедура проведения» являются по сути разными. Этот факт делает ничтожными любые аргументы, обобщающие их на уровне конкретных случаев.

Также ошибочными и незрелыми являются доводы о том, что меры принуждения являются составной частью уголовной ответственности [9]. Ибо их применение допускается по отношению к лицу, чья виновность еще не установлена приговором суда. Их применение носит обеспечительный для расследования и судопроизводства в целом характер. Диссертант согласен с тем, что если лицо изъято из-под действия уголовного закона, к нему не могут быть применены меры процессуального принуждения. Однако если такое изъятие имеет место на самом деле, а не на уровне его ошибочного обобщения с понятием «иммунитет», то речь идет не только о применении мер принуждения, но и об уголовном преследовании вообще. В этом случае, с позиции логики, отпадает необходимость в расследовании вообще, как в процедуре реализации уголовной ответственности — в понимании А. Г. Кибальника (поскольку факт невозможности привлечения к ответственности лиц, обладающих иммунитетом, от государства не зависит, а целиком связывается с волеизъявлением самого лица).

Рассматривая случаи начала обладания и пользования иммунитетом каждым конкретным субъектом и случаи окончания такого обладания и пользования, диссертант указывает и на общие правила обладания и пользования иммунитетом. Так, момент, с которого лицо начинает обладать иммунитетом, напрямую связан с вступлением лица в отношения, регулируемые спомощью иммунитета. Речь идет как раз о тех отношениях, для необходимо-

сти обеспечения которых и предоставляется иммунитет. Предлагаемая соискателем классификация имеет в основе именно эти отношения, что позволяет структурировать исследования иммунитета в зависимости от причинности его предоставления. По отношению к рассматриваемому вопросу автор делит иммунитеты на имеющие международно-правовые корни и корни национального права. В отечественном уголовно-процессуальном праве данные виды отражаются в двух видах: иммунитет от дачи показаний и дипломатический иммунитет. Данная градация, по мнению диссертанта, позволяет более структурно описать ситуацию, связанную с участием лиц, обладающих иммунитетами в уголовном процессе. При этом фактическая реализация любого вида иммунитета на сегодняшний день может выступать в двух формах:

– вынесения постановления (решения) о невозможности уголовного преследования лица, обладающего иммунитетом от уголовного

преследования в связи с последней причиной;

– отметка в протоколе допроса лица о том, что лицо, обладая фактическим правом на иммунитет, им пользуется. При этом выявлено, что отметка в протоколе допроса о праве на иммунитет имеет место в 100 % уголовных дел с реализованным иммунитетом — это дела, связанные с иммунитетом от дачи показаний, конкретно со свидетельским иммунитетом.

С позиции теории решений, очевидно, что эти способы отражают этапы функционирования иммунитета в ходе уголовного процесса.

В **заключении** подведены итоги проведенного исследования, сформулированы основные выводы, намечены перспективы дальнейших изысканий, а также по совершенствованию практики применения знаний о преимуществах в уголовно-процессуальной науке.

Важным результатом работы является определение основ теоретических знаний о правовых преимуществах — понятие и классификация правовых преимуществ и преимуществ в уголовном процессе; содержание правовых и уголовно-процессуальных преимуществ; соотношение правовых преимуществ с основными идеями и принципами права и уголовного процесса; критерии разграничения правовых преимуществ от прочих институтов права. Описывая прочие результаты, диссертант условно делит их на несколько категорий, генерация которых зависит от их значения.

ВЫВОДЫ

Проведенные исследования позволили автору сформулировать следующие существенные выводы:

1. Предназначение каждого из участников уголовного судопроизводства определяется необходимостью получения информации, могущей иметь значение для разрешения дела. Такая ситуация еще раз подтверждает вывод о том, что в идеале, с позиции функционализма процесса судопроизводства, правила по поиску информации, облеченные в конкретные процессуальные или следственные действия или решения, обязательны для всех субъектов вне зависимости от их социального статуса. Этот вывод предполагает невозможность существования каких-либо исключений из таких правил, выражающихся в существовании правовых уголовно-процессуальных изъятий и других видов правовых преимуществ.

2. Целесообразно понимать право не только как инструмент свободы, но и как инструмент защиты неотъемлемых интересов человека, стоящих вне его динамических качеств и присущих ему изначально. В

этой связи специфика уголовно-процессуальных отношений как раз таки и проявляется в том, что они, будучи «орудием» и способом достижения справедливости, подчиняются собственной логике реализации данного способа, связываемого с функциональными характеристиками самого процесса судопроизводства и расследования. В связи с этим между математически-функциональным равенством в уголовном процессе и равенством социальным можно поставить знак равно (=) и отождествить их в полной мере.

3. Нормы, содержащиеся в главе 54 УПК РК «Судопроизводство по делам о применении принудительных мер медицинского характера к невменяемым», нельзя назвать преимущественными, так как они отражают факт функционального соответствия потребностей процедуры производства расследования и состояния субъекта по отношению к возможности участия в данной процедуре.

4. Дача ложных показаний в ходе допроса, проведенного с нарушением уголовно-процессуального законодательства, не должна преследоваться по уголовно-процессуальному закону.

5. Обладая фактическими преимуществами по отношению к потерпевшему и пр., обвиняемый и др. (сторона обвинения, поскольку права защитника и обвиняемого не отличаются) уступает в преимуществах по сбору доказательств органу уголовного преследования. Одновременно, преимущества пассивных способностей в защите не могут поглотить собой активные способности в обвинении.

6. Отсутствие в уголовном законодательстве Республики Казахстан нормы, устанавливающей ответственность за дачу ложных показаний подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, — существование иллюзии, соблюдения прав человека, ежедневно попирающая принципы и цели существования права, наносящая существенный ущерб обществу и воспитывающая народ в духе отрицания правосудия. В связи с этим, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый должны нести ответственность за дачу заведомо ложных показаний согласно общим правилам ст. 352 УК РК «Заведомо ложное показание, заключение эксперта или неправильный перевод». Назначение наказания в данном случае должно определяться посредством сложения сроков наказания за совершение преступления, предусмотренного ст. 352 УК РК, и преступления, которое первично вменяется лицу.

7. Сужение количества субъектов, способных принимать уголовно-процессуальные решения по делу (возбудить уголовное преследование и самостоятельно принимать решения о применении мер пресечения и приводе), одновременно повышает вероятность воздействия на этих субъектов, а также успешность такого воздействия, что делает

существование правила об эксклюзивном праве возбуждения уголовного дела в отношении депутатов Парламента Республики Казахстан, Председателя и членов Конституционного совета Республики Казахстан, судьи, Генерального прокурора руководителем государственного органа Республики Казахстан, осуществляющего дознание и предварительное следствие, Генеральным прокурором, заместителем Генерального прокурора правилом, требующим своего исключения из уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан.

Суть преимущественного механизма сужения количества субъектов, способных возбудить уголовное преследование, заключается в том, что сужение количества субъектов, могущих возбудить уголовное дело, не предполагая никаких функциональных преимуществ эвристического характера, предполагает существование субъекта возбуждения уголовного дела, который известен заранее и может быть подвергнут влиянию со стороны гипотетической «защиты». Такое преимущество можно назвать негативным, поскольку, так как оно не предполагает дополнительных гарантий установления истины по делу, а основывается на установлении условий влияния на субъекта возбуждения уголовного дела. В связи с этим целесообразно вообще отказаться от этого признака, предоставив право возбуждения уголовного дела конкретному следователю или дознавателю. Тем самым приведя ситуацию в соответствие с общим порядком возбуждения уголовного дела.

8. Существование необходимости согласования решений об аресте, приводе, привлечении к уголовной ответственности как преимущественного элемента, как и в случае с предыдущим преимущественным элементом, влияет на характер защиты депутатов Парламента Республики Казахстан, Председателя и членов Конституционного совета Республики Казахстан, судей, Генерального прокурора. Кроме того, оно не является дополнительной гарантией защиты данных лиц от необоснованных решений негативного характера. Данное преимущество создает помехи в расследовании организационного характера и тем самым «играет на руку» рассматриваемой категории лиц.

9. Изъятие судей из числа допрашиваемых лиц имеет свое отрицательное значение для уголовного судопроизводства. В целях изменения отрицательной ситуации, вызванной существованием данного правила, предлагается сделать данное правило не исключительным изъятием преимущественного значения, а перевести в разряд особых порядков принятия решений, заключающихся в том, что данные лица все-таки должны являться

свидетелями. При этом они не должны быть изъяты из числа гипотетических свидетелей, а могут быть допрошены в ходе особых

процедур по рассмотрению принятых ими решений в случаях пересмотра судебных решений в порядке надзора.

В связи с этим целесообразно изменить содержание п. 1 ч. 2 ст. 82 УПК РК, изложив в следующей редакции:

«2. Не подлежат допросу в качестве свидетеля:

1) судья, присяжный заседатель — об обстоятельствах уголовного дела, которые им стали известны в связи с участием в производстве по уголовному делу, а также в ходе обсуждения в совещательной комнате вопросов, возникших при вынесении судебного решения, могут быть допрошены только с согласия Председателя Верховного суда Республики Казахстан. Последний может быть допрошен только с согласия высшего судебного совета Республики Казахстан».

10. Необходимо внести изменения в ст. 499 УПК РК «Производство предварительного следствия в отношении Генерального Прокурора Республики Казахстан» с включением в нее положений об обязательности проведения предварительного следствия по делам в отношении данной категории лиц.

11. В качестве согласительной фикции исключения норм о привилегиях из уголовно-процессуального законодательства было бы правильным предоставить право о решении согласования вопроса об аресте, приводе, привлечении к уголовной ответственности противоположной палате.

12. Норма, определяющая необходимость заключений Высшего Судебного Совета Республики Казахстан по отношению к необходимости согласования решений об аресте, приводе, привлечении к уголовной ответственности судей Республики Казахстан, должна быть исключена из Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан.

13. Законодатель ошибочно отождествляет понятия «привлечение к уголовной ответственности» и «уголовное преследование», так как момент привлечения в качестве обвиняемого логически можно связать только с началом уголовного преследования.

14. Конструкция механизма, определяющего привилегированные особенности участников уголовного процесса, несовершенна настолько, что сводит на нет все желания законодателя создать такой механизм уголовного судопроизводства в отношении привилегированных субъектов, который позволил бы поставить вероятность уголовного преследования в зависимость от волеизъявления соответствующей палаты Парламента, Президента. В таком контексте эта норма уже только на анализируемой стадии становится функционально бесполезной и несет вред как конструкция, загромождающая собой правовое пространство.

15. Формулировку «кроме случаев задержания на месте

преступления» необходимо исключить из Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, заменив на «при совершении преступления» или «в момент совершения преступления».

16. Отсутствие понятия «исключительных случаев применения мер пресечения» делает норму ст. 142 УПК РК «Применение меры пресечения в отношении подозреваемого» недействующей. Этот факт предполагает либо исключение из уголовно-процессуального законодательства, либо включение в данную статью конкретных критериев, позволяющих идентифицировать ту или иную ситуацию как «исключительный случай».

17. Необходимо исключить из ст. 68 УПК РК «Подозреваемый» формулировку «применена мера пресечения до предъявления обвинения» в качестве основания для признания в качестве подозреваемого. Так как это противоречит сущности нормы указанной статьи, которая не предполагает такого повода для возникновения процессуальной фигуры подозреваемого, что в свою очередь предполагает ее изменение с включением словосочетания «вынесено постановление о признании его в качестве подозреваемого».

18. Внесение представления Генеральным прокурором Республики Казахстан о применении меры пресечения ареста в отношении привилегированного субъекта (согласно ч. 8 ст. 496 УПК РК «Производство предварительного следствия в отношении депутата Парламента Республики Казахстан» и коррелирующих с ней статей) и надзора за законностью предполагает наличие у Генерального прокурора Республики Казахстан некой убежденности в обоснованности представляемого им решения. Это убеждение делает совершенно фиктивной процедуру последующего санкционирования этим же прокурором ареста в качестве меры пресечения, избираемой в отношении привилегированного фигуранта. В свою очередь, это обстоятельство делает текстуальное содержание ч. 3 ст. 496 УПК РК (и ссылающихся на нее статей) абсолютно бессмысленным и требует изменения данной нормы с исключением из нее формулировки «дачей санкции на арест» и заменой на «в течении четырех часов непосредственно после санкционирования меры пресечения ареста».

При этом согласительной фикцией альтернативы исключения норм о привилегиях из уголовно-процессуального законодательства является внесение в ч. 3 ст. 496 УПК РК изменения в следующей редакции: «Представление о лишении депутата неприкосновенности может вноситься в соответствующую палату Парламента многократно, но лишь как следствие установления новых обстоятельств роли депутата в расследуемом преступлении».

19. Большая часть норм главы 52 УПК РК «Производство по делам

опреступлениях несовершеннолетних» связана с обеспечением возрастной фикции и обоснованием ее соответствия фактическому состоянию субъекта как лица, могущего осознавать характер совершаемых им действий, наступающих в результате этих действий последствий, и руководить данными действиями. Вместе с тем такое соответствие абсолютно бессмысленно и потому, что в силу самой фикции ее отсутствие никак не влияет на насам факт привлечения к уголовной ответственности и характер уголовного преследования. В таком контексте большинство данных норм не имеет никакого значения и должны быть переосмыслены с позиции установления индивидуальности каждого случая привлечения к уголовной ответственности и уголовного преследования. Следует признать, что так или иначе эти нормы по иному регулируют вопросы уголовного преследования несовершеннолетних, нежели чем нормы общего характера, однако этот факт еще не делает их нормами преимущественного характера.

20. Необходимо исключить из ч. 2 ст. 485 УПК РК предложение «В случаях явного утомления несовершеннолетнего допрос должен быть прерван до истечения этого времени».

21. Несовершеннолетние должны подпадать под общие правила применения мер пресечения, в том числе и ареста. В этой связи целесообразно изменить содержание ст. 491 УПК РК «Задержание и применение мер пресечения к несовершеннолетним», исключив из нее ч. 3.

22. Целесообразно установить особенные сроки отдельного содержания под стражей несовершеннолетних при условии выделения дальнейших дифференцированных правил их совместного содержания, что связано рядом причин — с фактом наличия в данном случае возрастной фикции, вероятностью ущерба правосудию в результате того, что несовершеннолетний скроется от следствия, дознания и суда. Это предполагает внесения соответствующего изменения в ч. 4 ст. 153 УПК РК «Задержание и применение мер пресечения к несовершеннолетним», а именно исключения предложения: «Срок содержания несовершеннолетнего под стражей на стадии предварительного расследования, установленный статьей 153 настоящего Кодекса, может быть продлен на срок не более чем до шести месяцев».

23. Фактическая необходимость расследования исключает какие-либо исключения в статусах лиц, преследующих одинаковые цели в уголовном процессе. Эти рассуждения не только делают бессмысленным исследование правовых изъятий в уголовном процессе, но и в идеальной интерпретации ставят крест на всех перспективах изучения состояния правовых преимуществ в уголовном процессе. Поскольку вывод о

нелогичности исключения из общих правил делает существование этих самих исключений ненужным и, как следствие, предполагает основательное реформирование уголовно-процессуального права и законодательства с последующим исключением всех правовых исключений из структуры самого уголовно-процессуального права.

24. Наличие частных начал в инквизиционном уголовном процессе не только противоречит логике существования права, как инструмента, применяемого государством и специально уполномоченными органами, но и самому способу существования частных начал в уголовном процессе. Так как на сегодняшний день данный способ, как логический продуманный инструмент в регулировании общественных отношений, отсутствует. Поэтому пока не будет разрешена коллизия между желанием частных лиц влиять на судьбу уголовного дела и существованием фикции (а возможно даже презумпции) объективности органов расследования и суда всякие разговоры о наличии норм частного характера в публичном уголовном процессе невозможны. Тем более, что характер розыскного уголовного процесса предполагает, что права частных лиц надежно защищены этой самой объективностью органов, осуществляющих расследование, и суда, осуществляющего справедливое разрешение дела.

В таком контексте существование норм, провозглашающих действие частных начал в уголовном процессе, не более чем субъективная правовая авантюра, дарующая преимущественные права по разрешению дел надосудебной стадии уголовного процесса. Данная авантюра в виде существования норм, ее отражающих, как минимум, требует своего исключения из уголовно-процессуального законодательства и тщательного анализа на предмет научной состоятельности существования норм, провозглашающих частные начала в уголовно-процессуальном праве Республики Казахстан.

25. В контексте понимания проблем преимущественных прав органа уголовного преследования и стороны защиты (в контексте состязательности) имеем дело с открытым восприятием преимуществ стороны обвинения, как несоразмерных и явно ущемляющих права стороны защиты. В связи с чем необходимо пересмотреть структуру отношений стороны защиты обвинения за счет исключения органов уголовного преследования из числа органов, входящих в число стороны обвинения. Также целесообразно изменить организационную структуру участников и органов уголовного процесса, представив ее в новой модели, выраженную в следующих элементах:

– в отсутствии в уголовно-процессуальном праве понятия «органы уголовного преследования». Так, расследование осуществляют органы расследования, которые никого не преследуют, осуществляя независимое

и объективное расследование всех обстоятельств дела. Поэтому применение мер принуждения носит сугубо обеспечительный характер этого расследования и не является уголовным преследованием за совершение того или иного деяния. В таком понимании орган расследования — орган, осуществляющий расследование и зависящий только от суда, как орган, проверяющий качество расследования. При этом исторический пример существования фигуры судебного следователя является наиболее разумной формой соотношения объективности расследования и его независимости;

– в отнесении к стороне обвинения в уголовном процессе только органов прокуратуры. Прокуратура — орган фискального характера, чья деятельность выражается в представлении государственного начала при рассмотрении в суде дел публичного характера, а также возбуждении уголовного преследования. Прокуратура лишена любых полномочий по надзору за расследованием преступлений вообще. Кроме того, прокуратура лишается права возбуждения уголовного дела и ее функции сводятся к первоначальному по историческому замыслу ее возникновению (т. е. только представление интересов государства в суде);

– стороной защиты следует считать подозреваемого, обвиняемого и подсудимого, а также их защитников и представителей;

– суд — орган, разрешающий претензии сторон;

– потерпевший — лицо, которому преступлением причинен ущерб и которое априори делегирует все свои полномочия по представлению собственных интересов в суде органу прокуратуры без права влияния на дальнейшее решение суда по существу нарушенных интересов.

26. Факт существования привилегий особой процедуры уголовного преследования депутатов Парламента Республики Казахстан, Председателя и членов Конституционного совета Республики Казахстан, судей, Генерального прокурора Республики Казахстан предполагает, что представителям законодательной ветви власти присваиваются не свойственные им полномочия по разрешению судебных дел, т. е. полномочия в сфере исполнительной или судебной ветвей власти. Это и есть основа нарушения принципа разделения властей самим фактом существования норм, дарующих правосогласования решений об аресте, приводе, привлечении к уголовной ответственности депутатов Парламента Республики Казахстан, Председателя и членов Конституционного совета Республики Казахстан, судей, Генерального прокурора Республики Казахстан.

27. В целях исключения негативных последствий корпоративного влияния назрела необходимость принятия нормативного акта, устанавливающего право оценки суммы материального вознаграждения

всех государственных служащих только Президентом, что позволит создать основы баланса оплаты труда всех государственных служащих.

28. На уровне Конституционного закона Республики Казахстан, имеющего приоритет над Уголовно-процессуальным кодексом Республики Казахстан, устанавливаются сроки, которые значительно снижают вероятность привлечения к уголовной ответственности депутатов Парламента Республики Казахстан, Председателя и членов Конституционного совета Республики Казахстан, судей, Генерального прокурора Республики Казахстан, делая ее практически невозможной. Это указывает на несостоятельность норм, предусматривающих особый порядок ведения производства в отношении перечисленных лиц, что в свою очередь подразумевает исключение главы 53 из Уголовно-процессуального кодекса, а введение расследования и уголовного судопроизводства в отношении этих лиц осуществляться на общих основаниях. Это обстоятельство требует исключения и ст. 32 из Конституционного закона Республики Казахстан «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов».

29. Возрастная фикция, определяющая условия наступления уголовной ответственности и условия уголовного преследования, должна быть исключена из Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Республики Казахстан. Такая фикция должна быть заменена решением экспертного исследования, отражающего вопросы вероятности и форм уголовной ответственности любого субъекта, а также определения степени и форм его участия в уголовном процессе. Перспективой дальнейшего исследования сущности правовых преимуществ несовершеннолетних и лиц, страдающих психическими недостатками, является создание механизма индивидуализации наказания и уголовного преследования, заключающегося в разработке правил применения наказаний, а также форм участия данных лиц в уголовном судопроизводстве, исходя из конкретики соотношения личностных характеристик и возникшей ситуации, в основе которых лежит обязательность экспертного исследования по существу определяемого вопроса.

30. Недопустимо существование каких-либо социальных преимуществ без фундаментальных научных исследований о сути распределения благ в обществе. Иначе рост корпоративных преимуществ в обществе неизбежен, причем по совершенно разным критериям, а также способам их получения. Ни к чему иному, как к расколу общества в государстве, это привести не может.

Список использованных источников

1. Назарбаев Н. А. К свободному, эффективному и безопасному обществу: Послание Президента страны народу Казахстана // Юридическая газета. 2000. 25 октября.
2. Нерсесянц В. С. Философия права. — М., 1998. — 652 с.
3. БСЭ <http://gatchina3000.ru/great-soviet-encyclopedia/bse/105/428.htm>.
4. <http://bse.sci-lib.com/article105428.html>.
5. Савицкий В. М. Уголовный процесс России на современном витке демократизации // Государство и право. — 1994. — № 6. — С. 96-107.
6. Суменков С. Ю. Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории: дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2002. 299 с.
7. Конституционного закона Республики Казахстан «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов» // Казахстанская правда. 1999. 16 марта.
8. Елизарова М. А. Международно-правовые иммунитеты в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. — Ставрополь, 2004. 342 с.

9. Кибальник А. Г. Иммуни́тет в уголовном праве: дис. ... канд. юрид.наук. — М., 1999. 278 с.

10. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации / Подред. А. И. Бойцов. — М.-Ростов-на-Дону, 1996. 455 с.

Список опубликованных работ по теме диссертации

1. Кенжетаев, Ч.Дж. Иммуни́тет структуре процессуальных преимуществ [Текст] / Ч.Дж. Кенжетаев // Актуальные проблемы современности. - Караганда, 2008. - № 12. - С. 27-30.

2. Кенжетаев, Ч.Дж. Правовые преимущества как объект научногo исследования [Текст] / Ч.Дж. Кенжетаев // Актуальные проблемы права: сб. науч. трудов. - Караганда, 2008. - С. 68-70.

3. Кенжетаев, Ч.Дж. Уголовно-процессуальный иммунитет документов [Текст] / Ч.Дж. Кенжетаев // Хабаршы-Вестник КЮИ МВД Республики Казахстан. - Караганда, 2008. - № 4. - С. 48-52.

4. Кенжетаев, Ч.Дж. Проблемы Уголовно-процессуального иммунитета предметов [Текст] / Ч.Дж. Кенжетаев // Ғылым-Наука. - Костанай, 2008. - № 4(12). - С. 55-60.

5. Кенжетаев, Ч.Дж. Иммуни́теты в уголовном процессе (классификация отдельных видов) [Текст] / Ч.Дж. Кенжетаев // Ғылым-Наука. - Костанай, 2009. - № 1 (20). - С. 22-25.

6. Кенжетаев, Ч.Дж. Иммуни́тет в уголовном процессе как самостоятельный институт [Текст] / Ч.Дж. Кенжетаев, И.П.Корякин // Ғылым-Наука. - Костанай, 2009. - № 1 (20). - С. 36-39.

7. Кенжетаев, Ч.Дж. Дипломатический курьер как объект анализа в уголовном процессе [Текст] / Ч.Дж. Кенжетаев, И.П.Корякин // Ғылым-Наука. - Костанай, 2009. - № 2 (21). - С. 22-25.

8. Кенжетаев, Ч.Дж. Конкуренция норм различных отраслей права как предпосылка существования отдельных видов преимуществ [Текст] / Ч.Дж. Кенжетаев // Экономика и право Казахстана. - Алматы, 2009. - № 3. - С. 36-39.

9. Кенжетаев, Ч.Дж. Конкуренция норм как предпосылка возникновения правовых преимуществ [Текст] / Ч.Дж. Кенжетаев // Экономика и право Казахстана. - Алматы, 2009. - № 4. - С. 51-53.

10. Кенжетаев, Ч.Дж. Особый порядок производства по делу как уголовно-процессуальное преимущество [Текст] / Ч.Дж. Кенжетаев // Экономика и право Казахстана. - Алматы, 2009. - № 6. - С. 42-45.

11. Кенжетаев, Ч.Дж. Уголовно-процессуальные преимущества балансa стороны обвинения и защиты [Текст] / Ч.Дж. Кенжетаев //

Экономика и право Казахстана. - Алматы, 2009. - № 7. - С. 51-54.

12. Кенжетаяев, Ч.Дж. Уголовно-процессуальные преимущества как специфическая категория с внутренней, сугубо уголовно-процессуальной причинностью [Текст] / Ч.Дж. Кенжетаяев // Экономика и право Казахстана.- Алматы, 2009.- № 8. - С. 44-48.

13. Кенжетаяев, Ч.Дж. Определение основных форм причинностивозникновения правовых преимуществ [Текст] / Ч.Дж. Кенжетаяев //

Экономика и право Казахстана. - Алматы, 2009. - № 9. - С. 39-43.

14. Кенжетаяев, Ч.Дж. Конкуренция и соотношение норм международного права и права национального как предпосылка существования процессуальных преимуществ [Текст] / Ч.Дж. Кенжетаяев // Экономика и право Казахстана. - Алматы, 2009. - № 10. - С. 33-37.

15. Кенжетаяев, Ч.Дж. Правовые изъятия как самостоятельный видправовых преимуществ [Текст] / Ч.Дж.Кенжетаяев // Экономика и право Казахстана. - Алматы, 2009. - № 10. - С. 36-38.

16. Кенжетаяев, Ч.Дж. Иммуитет от обыска, выемки, ареста наимущество, осмотра, проникновения в помещения (гносеологическийаспект) [Текст] / Ч.Дж. Кенжетаяев // Вестник академии экономическойбезопасности МВД России. - М., 2009. - № 6. - С. 103-105.

17. Кенжетаяев, Ч.Дж. Конкуренция норм одной отрасли между собойкак предпосылка существования отдельных видов преимуществ [Текст]/ Ч.Дж. Кенжетаяев // Наука и ее роль в современном мире: мат-лы межд.науч.-теорет. конф. - М., 2010. - Т. 1. - С. 79-82.

18. Кенжетаяев, Ч.Дж. Изъятие в уголовном процессе (исследование теоретической сущности) [Текст] / Ч.Дж. Кенжетаяев // Гуманитарные проблемысовременности: науч. тр. молодых ученых. - 2010. - Вып. 12. - С. 354-361.

19. Кенжетаяев, Ч.Дж. Преимущества, основанные на нахождении в поле действия принципа диспозитивности в уголовном процессе [Текст]/ Ч.Дж. Кенжетаяев // Гуманитарные проблемы современности: науч. тр. молодых ученых. - 2010. - Вып. 12. - С. 361-367.

20. Кенжетаяев, Ч.Дж. Преимущества несовершеннолетних какобъект исследования в уголовном процессе [Текст] / Ч.Дж. Кенжетаяев //Гуманитарные проблемы современности: науч. тр. молодых ученых. - 2011.- Вып. 13. - С. 341-347.

21. Кенжетаяев, Ч.Дж. Привилегии как преимущества в уголовном процессе (Анализ уголовно-процессуальных норм) [Текст] / Ч.Дж. Кенжетаяев // Право и политика. - 2010. - № 2. - С. 114-117.

22. Кенжетаяев, Ч.Дж. Некоторые вопросы соотношения иммунитета

спринципами равенства и публичности в уголовном процессе [Текст] / Ч.Дж.Кенжетаев // Право и политика. - 2010. - № 2. - С. 118-121.

23. Кенжетаев, Ч.Дж. Изъятия в уголовном процессе (постановка проблемы и определение отличий от особого порядка производства) [Текст]/ Ч.Дж. Кенжетаев // Право и политика. - 2011. - № 3. - С. 153-154.

24. Кенжетаев, Ч.Дж. Преимущества участников процесса в соотношении сторон в уголовном процессе (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый — потерпевший, истец) [Текст] / Ч.Дж. Кенжетаев // Право и политика. - 2011. - № 3. - С. 155-159.

25. Кенжетаев, Ч.Дж. Преимущества участников процесса в соотношении сторон в уголовном процессе: подозреваемый, обвиняемый, подсудимый - потерпевший, истец (продолжение исследования) [Текст] / Ч.Дж. Кенжетаев // Право и политика. - 2011. - № 3. - С. 160-166.

26. Кенжетаев, Ч.Дж. Привилегии, как преимущества в уголовном процессе (продолжение исследования анализа уголовно-процессуальных норм) [Текст] / Ч.Дж. Кенжетаев // Право и политика. - 2012. - № 1. - С.142-146.

27. Кенжетаев, Ч.Дж. Преимущества несовершеннолетних как объект исследования в уголовном процессе (анализ содержания уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан) [Текст] / Ч.Дж.Кенжетаев // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. - 2012. - № 2 - С. 191-195.

28. Кенжетаев, Ч.Дж. О том, что такое диспозитивность в уголовном процессе и как с ней бороться [Текст] / Ч.Дж. Кенжетаев // 20 лет независимости РК: достижения и перспективы развития: мат-лы междунауч.-практ. конф. - Караганда, 2011. - С. 322-327.

29. Кенжетаев, Ч.Дж. Преимущества в уголовном судопроизводстве: монография. – Бишкек, 2012. - 425 с.

Кенжетаев Чингис Джановичтин 12.00.09 – кылмыш процесси, криминалистика; ыкчам-издөө иш мерди гадистиги боюнча юридика илимдеринин доктору окумуштуу лугдара жасын изденипалуу үчүн «Кылмыштык сот иштерин жүргүзүүдөгү артыкчылыктар» деген темада жазылган диссертациясынын РЕЗЮМЕСИ

Негизгисөздөр: артыкчылыктар, кылмыш процессуалдык тенсиздик, кылмыш процессиндегитенчилик, кылмыш процессиндеги ачыктык, кылмыш процессиндеги диспозитивдүүлүк, кылмыш процессуалдык мунитет, кылмыш процессиндеги алыпташтоо,

кылмышышишиндеги артыкчылык, кылмыш процессиндеги өндүрүштүн өзгөчө тартиби, укук институту.

Диссертациялык изилдөөнүн максаты - кылмыш- процессуалдык артыкчылыктар комплексинин, аларды ништөө проблемасынын маңызын жанане гизги элементтерин изилдөө, ошондой эле, кылмыш- процессуалдык артыкчылыктарды ишке ашыруу алгоритминин синтезине чыккөрсөтүү жана ушул негизде кылмыш менен күрөшүүнү жакшыртууга багыт алган кылмыш- процессуалдык сунуштарды иштеп чыгуу.

Кылмыш процессиндеги кылмыш- процессуалдык артыкчылыктардын бар экендиги менен байланышкан, кылмыш- процессуалдык нормалар менен биргеликте чагылдырылган коомдук мамилелер **изилдөөнүн объекти** болуп эсептелет.

Кылмыш процессиндеги артыкчылыктардын бар экендиги менен байланышкан конкреттүү кырдаалдар, ошондой эле, мындай кырдаалдардын өкүм сүрүү жана өнүгүү эрежелери **изилдөөнүн предмет** болуп эсептелет. Диссертациялык иштеги **изилдөөнүн методдору** болуп таанып- билүүнүн жалпы жана атайын методдору, т.а., тарыхый, салыштырма- укуктук, логика- юридикалык, социологиялык, ишмердик б., ошондой эле, абстракциялоо, жөнөкөйлөтүү, схематизациялоо, идеализация сыяктуу ыкмалар саналат.

Диссертациянын илимий жаңы чылдыгы. Диссертациялык изилдөө өлкөстө советтик мейкиндиктегиби, Казакстан же Кыргызстандагыбы кылмышышинизилдөөнүн жүрүшүндөгү кылмыш- процессуалдык артыкчылыктарды комплекстүү изилдеген алгачкы изилдөө болуп саналат.

Диссертациялык иштин материалдарын колдонуу деңгээли. Негизги жоболор, жыйынтыктар жана сунуштар кандай деңгээлдеги болбосун кылмыштык- процессуалдык артыкчылыктардын элементтеринандан ары изилдөө максатында; норма иштеп чыгуу процессинде – кылмыш менен күрөшүүнүн жөнөгө салуучу жоболордун регламентациялоо үчүн; кылмыштык сот иштерин жүргүзүүчү органдардын укук колдонуучу ишмердигинде; окуу процессинде; кадрлардын квалификациясын жогорулатуу жана кайра даярдоодо тиешелүү темаларды изилдөө учурунда колдонууга болот.

РЕЗЮМЕ

на диссертационное исследование Кенжетгаева Чингиса Джановича

потеме: «Преимущества в уголовном судопроизводстве» на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности:

12.00.09- уголовный процесс; криминалистика; оперативно- розыскная деятельность

Ключевые слова: преимущества, уголовно-процессуальные неравенства, равенство в уголовном процессе, публичность в уголовном процессе, диспозитивность в уголовном процессе, уголовно-процессуальный иммунитет, изъятия в уголовном процессе, привилегии в уголовном процессе, особый порядок производства в уголовном процессе, институт права.

Цель диссертационного исследования состоит в исследовании сущности и основных элементов комплекса уголовно-процессуальных преимуществ, проблем их функционирования, а также выявление синтеза алгоритма реализации уголовно-процессуальных преимуществ и разработки наданной основе уголовно-процессуальных рекомендаций, направленных на совершенствование борьбы с преступностью.

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с существованием уголовно-процессуальных преимуществ в уголовном процессе, отраженные во взаимосвязи уголовно-процессуальных норм.

Предметом исследования являются конкретные ситуации, связанные с существованием преимуществ в уголовном процессе, а также правила существования и развития таких ситуаций.

Методами исследования в диссертационной работе являются общепринятые специальные методы познания - исторический, сравнительно-правовой, логико-юридический, социологический, деятельностный и другие, а так же такие приемы как абстрагирование, упрощение, схематизация, идеализация.

Научная новизна диссертации. Диссертационное исследование представляет собой первое комплексное исследование уголовно-процессуальных преимуществ в ходе расследования преступлений как на постсоветском пространстве, так и в Казахстане и Кыргызстане.

Степень использования материалов диссертационной работы.

Основные положения, выводы и предложения могут быть использованы:

в целях дальнейшего исследования элементов уголовно-процессуальных преимуществ любого уровня; в нормотворческом процессе — для регламентации положений, регулирующих борьбу с преступностью; в правоприменительной деятельности органов уголовного судопроизводства; в учебном процессе; повышении квалификации и

переподготовки кадров при изучении соответствующих тем.

RESUME

On dissertational research Chingis Dzhanovich Kenzhetaev to the theme: «Advantages in criminal legal proceedings» on the competition of a scientific degree by the doctor of jurisprudence on a specialty: 12.00.09 – criminal trial; criminalistics; operative-detective activity.

Key words: advantages, criminal-procedural inequalities, equality in criminal trial, publicity in criminal trial, dispositiveness in criminal trial, criminal-procedural immunity, withdrawals in criminal trial, privileges in criminal trial, special order of procedure in criminal trial, institute of law.

The purpose of dissertational research consists in researches of essence and basic elements of complex criminal-procedural advantages, problems of their functioning, and also revealing of synthesis of algorithm of realization of criminal-procedural advantages and working out on the given basis the criminal-procedural recommendations directed on perfection of the fight against criminality.

The object of research is public relations connected with existence of criminal-procedural advantages in the criminal trial, reflected in interrelation of criminal-legal procedure.

The subject of research is the concrete situations connected with existence of advantages in criminal trial, and also rules of existence and development of such situations.

Research methods in dissertational work are the general and special methods of knowledge - historical, comparative-legal, logics-legal, sociological and others, and also such receptions as abstraction, simplification, a schematization, idealization.

Scientific novelty of the dissertation. Dissertational research represents the first complex research of criminal-procedural advantages during the investigation of crimes both on the post-Soviet territory, and in Kazakhstan and Kyrgyzstan.

Degree of use materials of dissertational work:

Basic provisions, conclusions and offers can be used: with a view of the further research elements of criminal-procedural advantages of any level; in norm creative process — for a regulation of the positions regulating fight against criminality; in law-enforcement activity of bodies of criminal legal proceedings; in educational process; improvement of professional skill and retraining of personnel at studying of corresponding themes.

Подписано в печать 23.08.2012 г.

Усл. п. л. 3. Формат 60×84 1/16

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Заказ № 157. Тираж 150 экз.

Отпечатано в ОсОО Издательский дом «Салам»

Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Гоголя, 120

Тел.: (+996 312) 68-01-35, тел./факс: (+996 312) 68-01-33

E-mail: id_salam@mail.ru
